

Библиотека

поэтического перевода

ИРИНА
ЖИЛЕНКО

В ОТЗВУКЕ ЧУДА

Избранное
2 издание
Исправленное и дополненное

Перевод с украинского Д. Кишиневского

Ульяновск
Созвучие
2010

Ирина Жиленко

В отзвуке чуда. Избранное

Перевод с украинского Д. Кишиневского

В оформлении использованы репродукции картин В.Зарецкого

Жиленко Ирина Владимировна, украинская поэтесса. Родилась в 1941 году в Киеве. Автор 15 поэтических сборников. Лауреат Государственной премии им. Тараса Шевченко.

Стихи Ирины Жиленко нельзя воспринимать «со стороны». Это чудо, которое надо пережить, а не объяснять. Светлый и драматический, красочный и философски глубокий мир её поэзии по-настоящему раскрывается только при встречном движении души читателя.

Предисловие переводчика

Так сложилось, что российские читатели в своём большинстве по ряду причин мало знакомы со славяноязычной поэзией своего времени даже в переводах на русский язык. В то же время один из самых значительных поэтов второй половины прошлого и начала нынешнего столетий пишет на украинском языке. Имя этого поэта – Ирина Жиленко.

Первая книга её стихов «Соло на сольфі» вышла в 1961г. Начало шестидесятых годов прошлого века! Наше поколение помнит, как самые большие залы не вмещали тогда желающих послушать стихи поэтов «новой волны». И так же, как Анна Ахматова на закате своей жизни успела благословить начавших свой путь в поэзии Иосифа Бродского и Глеба Горбовского, так и Максим Рыльский, в творчестве которого наступило «третье цветение», напутствовал молодых поэтов, в которых он видел будущее национальной поэзии.

И, конечно же, и в Украине после «оттепели» наступили времена литературных погромов.

Ирина Жиленко в поэме «Чайна церемонія» вспоминает о тогдашних держимордах от литературы, которые

*шипели: узок кругозор,
салонность, барство, декаданс.
Трагизм, абстрактный гуманизм,
идеализм, аполитичность.
А в тексте – космополитичность,
в подтексте – национализм.*

Как вспоминает автор предисловия к книге «Євангеліє від ластівки» М. Жулинский, «Ирина Жиленко среди своих друзей-шестидесятников была тем чарующим поэтическим

кристаллом, в который вглядывались с удивлением и восторгом ... те, кто стали её семьёю, кто представлял и представляет её великое, мужественное несчастное и счастливое поколение».

Глубинные же корни поэзии Ирины Жиленко уходят и в благодатную почву поэзии Тараса Шевченко, Леси Украинки, и к живительному источнику поэзии «серебряного века», и к сокровищам китайской и японской классической поэзии. Они питаются и от шедевров европейской литературы, музыкальной классики и живописи. Но, как чутко заметил истинный ценитель её творчества Юрий Лисица, «при всех этих превосходных предпочтениях стихи и поэзия Ирины Жиленко совершенно другие. Это какая-то калива (греч. «хижина» – жилище отшельника, обособленная келья, маленький дом, иногда с храмом) на земле мировой поэзии, куда заходят редкие пилигримы (прочани), но зато самые верные».

Поэтический язык поэтессы при всем своем ритмическом и интонационном своеобразии и многообразии классически ясен, и вместе с тем читать её стихи подчас совсем не просто. Их нельзя воспринимать «со стороны». Её стихи – чудо, которое надо «пережить, а не объяснить», и с этим я совершенно согласен по своему опыту приобщения к этой великой поэзии. Светлый и драматический, красочный и философски глубокий мир поэзии Ирины Жиленко по-настоящему раскрывается только при встречном движении души читателя. Глубинный смысл её стихов далеко не всегда воспринимается с первого чтения сквозь кажущуюся лёгкость, или, скажем, сквозь иногда мягкий, а иногда поистине искромётный юмор её строк. А порой её стихи сразу захватывают читателя своим чувством единения со Всевышним («Осень. Ночная музыка»), либо щемящим чувством любви и жалости («Любовь»), либо, своей глубокой трагичностью (стихи цикла «DIES IRAE», выстраданные поэтом в дни страшной чернобыльской катастрофы). А её «осенние» стихи! – «Окончены хлопоты лета», «Озёра стынут по ночам...»,

«Станция», изумительный цикл «Свет осени»... В них человеческая жизнь, широчайшая гамма чувств и переживаний.

В настоящее издание по сравнению с предыдущим включены циклы стихов «Из музыкальной тетради» и «Лето с осенним взором». Несмотря на их неразрывную органическую связь с другими произведениями, эти циклы раскрывают читателю и новые грани творчества поэта.

Должен сказать следующее. К обозначению данного сборника как «Избранное» следует относиться с осторожностью. Обычно под названием «Избранное» понимается, что составитель выбрал наиболее важные с его точки зрения произведения автора, с учётом направленности сборника. Здесь же дело обстоит совершенно не так. Абсолютное большинство опубликованных здесь стихов в моём переводе в оригинале входят в замечательную книгу «Евангелие от ласточки» (Ирина Жиленко. «Євангеліє від ластівки». Вибрани твори. Київ, Університетське видавництво «Пульсари», 2006 р.), которую действительно по праву можно назвать сборником избранных произведений поэта. В данный же сборник вошли только те стихотворения, которые я сумел на сегодня осмыслить, пропустить через своё сердце и, на мой взгляд, достаточно адекватно перевести на русский язык. Осмысление стихов такого поэта, как Ирина Жиленко, с целью их последующего перевода требует большой работы души и разума, иногда – подлинного перевоплощения, а это весьма непростой и длительный процесс.

Что касается процесса перевода, то перевод именно с родственного языка, да ещё стихов такого уровня представляет огромную, а иногда непреодолимую трудность. Чрезвычайно высока ответственность переводчика, который обязан постоянно следить, не оказался ли в его руке вместо пера скальпель!

«Та, которая молится Богу стихами» – так назвал своё предисловие к книге «Євангеліє від ластівки» тонкий исследователь поэзии Ирины Жиленко М.Жулинский. Лучше сказать нельзя. И это притом, что у неё почти нет стихов духовного в прямом религиозном смысле содержания.

Есть даже стихи, полные гнева, отчаяния и безысходности. Может быть, это грех. Но вся её поэзия рождена любовью, пронизана ею, а... Бог есть Любовь! И это искупает всё.

Конечно, настоящая подборка стихов Ирины Жиленко в моём переводе не может дать сколько-нибудь цельного впечатления о творчестве поэта во всём его величии и многообразии. Но всё-таки буду счастлив, если эта моя работа позволит русскоязычному читателю услышать и впустить в своё сердце отзвук чуда, имя которому – поэзия Ирины Жиленко.

Д. Кишиневский

Худ. В. Зарецкий

Худ. В. Зарецкий

* * *

Когда остатки солнышка на платье
печально и красиво угасают,
и наполняют сумерки жилище
тенью осенних шёпотом неясным.
Когда воспоминанья и тревоги
со мною рядом вокруг стола садятся –
я оставляю начатую строчку,
и в шелест вечера я убегаю.
В меланхоличный жёлтый звон
оркестра.

И по сырым коврам аллею осенних
иду, не поднимая тёплый ворот,
и льнут к ногам доверчивые листья.
О, как печально тихий жёлтый сад,
с их влажною красою расстаётся.
А в бесприютной комнате моей
хозяйкой одиночество пирует.
Ты знал ли одиночество, мой милый?
И скрип дверей обманчивый в тиши,
когда оно угрюмо и упрямо
бредет по неприкаянной квартире?
Вот ворошит оно мои бумаги
и ждёт меня.

Когда я прихожу,
пропахшая осеннюю листвою,
оно меня встречает на пороге
и застывает рядом неподвижно,
вздыхая сокрушённо и печально.
И до рассвета больше не уходит.

Ты знаешь, милый, как всю ночь не спать?
Стоять в тяжелом мраке, как над бездной,
а на плечах нет милого ладоней?
Когда рыдает ночью бесконечной
глухое одиночество в тиши.

* * *

Запахло дождём...
Предосенние дачи
пошли побродить по аллеям вечерним.
Уж лета корабль качнулся и начал
свой путь, увлекаемый вечным течением.

Уже перелески чуть пожелтели,
грустят гвоздики в прозрачной склянке.
Георгинами отгорели,
отзолотели полустанки.

Террасу в виноградном неводе
ласкает ветер переменчивый,
и тихо речка мулине
погасла на коленях женщины.

И сумерки тончайшей тканью
так бережно прикрыли плечи,
и лёгких тёней трепетанье
рассыпал перед нею вечер.

Ещё печально, нежно дышит
в ольховых ветках птичий плач,
но скоро воцарится тишь
в пространствах опустевших дач.

* * *

Туманным утром, в доме, полном счастья,
открыть окно в берёзовый лесок!
А мокрый ветер бьётся вокруг запястья,
как пойманный замёрзший голубок.
Хмельные сквозняки, что по весне
приходят от заплаканного тала,
пронзили шёлк халатика на мне
и в рукава насыпали фиалок.

* * *

Анатолию Макарову

Есть души, как летние звёзды,
сошедшие с тёмного неба.
Хранят они в бури и в грозы
тихий свой свет волшебный.

Их струны настроены тонко
на мудрое равновесье.
Звучит их голос негромкий,
как шелест рассветного леса.

Есть люди, как звёзды, как боги.
Покойны их светлые лики,
когда они в креслах глубоких
читают великие книги.

Есть души, что не умирают,
а тают в сияньи лучистом,
ведь завтра (наверное знают!)
им снова и снова родиться.

И вновь уходить им в небо
и дальше, и дальше – вечно...
Их вечность – не чёрная небыль,
а ласковый свет бесконечный.

Есть люди, которые могут,
минуя толпы мирские,
пройти неспешной дорогой
сквозь наше столетье – в иные.

Чтоб снова, как пилигримы,
вернуться... И в небе глубоко
звёзды горят над ними
и лампы горят в их окнах.

* * *

Я шла из парка. Холодало.
Плющи взбежали по стене.
Вот дом, который потеряла.
А кто нашёл – неведом мне.

Ночную тишиной умылся
и улыбнулся старый дом:
«Ведь я – любовь!» –
Перекрестился
большим сияющим окном.

Я расчешу твои плющи,
как прежде, будешь чист и светел.
И снова искрятся дожди,
и вновь звенит стекло в буфете.

Приходит мудрый Мендельсон,
глядит задумчиво и строго.
А дочке снится тёплый сон
про голубого носорога...

* * *

Д. Федоряченко

Я приду сегодня в ясный полдень.
Кину плащ свой белый на роаль.
Будет нам так солнечно и молодо
возле окон солнечных стоять.

Что же золотые вихри снежные,
Вас венчая, искрятся порой?
Я ж замерзну в солнечной одежде,
чудный мой Серебряный Король.

Эта снежность навевает таинство
нежному и светлому молчанью.
А за нею золотятся радостно
Ваши очи, мой Король печальный.

Заблудились в светлой этой замети
мои руки на краю стола.
Сколько снега надо разбросать мне,
чтоб коснуться Вашего чела!

Белые метели, что лелеют
Ваши годы, губы и виски,
усмирить, наверно, не сумеет
даже всё тепло моей руки.

За окном багряно чахнет осень.
Шум машин и мёрзлый крик ворон.
От меня метелью Вас относит,
чудный мой Серебряный Король.

Всё равно я вновь приду. И снова
кину плащ свой белый на рояль.
Будем с Вами рядом зачаровано
возле окон солнечных стоять.

СОВА

Жили в доме одном три сестры.
Тихо жили они до поры.
Вдруг звонит телефон: «Как стемнеет –
уходите из дома скорее!
Нынче гость (а какой – не скажем)
будет к вечеру в доме вашем».

Миг один – схватить пальто.
Миг ещё – поймать авто.
Мчаться в уличные дали
и затихнуть в кинозале.
Это старшая сестра
на такси рванула быстром.
Кинозал. Двадцатый ряд.
Детектив. Агата Кристи.

Средняя (она ж середина!)
мудрую слыла совою –
притаилась за гардиной
и вертела головою.

Притаилась тихо очень.
Не шуршит цветной халат.
Хочет знать, что будет к ночи,
только так, чтоб без утрат.

Ну, а третья приделась,
(где моё не пропадало!).
Стол накрыв скатёркой белой,
ожидала...

Три сестры жили в доме одном.
Что там было – не помнит тот дом.
Только младшая, знает, сестра
вышла замуж давно за царя!
Старшая будто кухаркою служит
в их дворце. И живёт – не тужит.
А другая сестра, хоть жива,
одинокó живёт, как сова.
Тёмной ночью пугает прохожих,
их своей ворожбою тревожа.

И не знает сама, чего хочет.
И отвыкли от солнышка очи.
И ночами гадает сестра,
обхвативши крылом телефон.
Ждёт кого-то, покуда заря
не осветит немой телефон.
День за днём, год за годом подряд
не звонит у совы телефон.

СОСНА

Ночь была черна, глубока.
Ночь была, словно слива, терпка.
На рассвете с ночного стекла
в меня моя ночь перешла.

Притаилась, не верховодит...
А деревья в саду на восходе
сладко жмурятся, тихо бормочут,
мол, хмельное вино у ночи.

Слива потянулась, качнулась,
оперлась на плечо, зевнула.
И боюсь я вздохнуть счастливо.
Я боюсь потревожить сливу.

Так идём. Нам не надо речей.
Ветка сливы спит на плече.
Мои пальцы спят у ствола –
задохнулась в солнце земля!

Знаешь, ты иди себе с Богом...
Не гневись на меня – я немного
опьянела сливовым соком,
захмелела шагом сливовым.

Между тонких деревьев этих,
светлый мой, ты один свидетель,
что не слива я, не сосна,
что я просто твоя жена.

Только сад мой тебе не верит –
даже очи сонного зверя
безразлично скользят по мне,
словно по зелёной сосне.

ГЕРАНЬ

Накатило тёмной синью.
Будет дождь. А может – нет.
Я помою апельсины
и поставлю на окне.

Завтра праздник. Тихо в доме.
Про себя бормочет кран.
Лучик солнышка наклонный
опалил мою герань.

Всюду тишь. Бледнеют тени.
Не слышать ничьих шагов.
Только слышно приближенье
тёмных влажных облаков.

К белым розам в синей вазе
с доброй вестью – добрый дождь.
Завтра лето. Завтра праздник.
В доме будет добрый гость.

Дождь уходит. Небо сине.
И светлеет мокрый сад.
И герань моя в росинках,
и лицо моё – в слезах.

* * *

Сегодня Спас. И звон. Я в белом платье.
Росой умыта неба бирюза.
Я накрываю стол. Алеет скатерть.
А окна смотрят в яблоневый сад.

Когда я раскрываю окна в сад –
мой сад смеётся, убегая вглубь.
И алый стол, и хлеб за ним бредут,
и скатерть влажно трогает роса.

А я светло вздыхаю: «Скоро осень!»
И понимаю счастье очень просто –
когда твоя несмелая рука
прохладную мою погладит щёку.
И губ коснется солнечный бокал,
и сад вздохнёт торжественно-глубоко.

* * *

Стихает боль. На свете синий день.
Приходят голубые тени с улиц.
И за окошком лёгкая метель,
и платье белое раскинуто на стуле.

Сверкает ёлка искрами слюды,
лазурный шар мигает ясным оком.
Могу я встать? Тихонько подойти
туда, где тюль открыл
свой светлый локон,

где за окном стоит веселый гном
и, как графин с искрящимся вином,
раскачивает дом... И я взлетаю
над золотом витрин и над трамваем.
А за плечом окно звенит печально,
и на виски ложится снег кристальный.

И СВЕТЛОЙ АЛЛЕЕЙ...

И светлой аллеей
дойду до певучей реки.
Неведомо, где я,
и ноги, как прежде, легки.
Сиренью окутан
там маленький солнечный дом.
Скажите, откуда
вода, что звенит серебром?
И сполохи света,
и солнечный радостный зверь?
Засыпанный цветом
мой дом. И открытая дверь.
Гроза откатилась...
Умыты дождём до зари,
во мне засветились
акаций моих фонари.
По светлой аллее
туда, где скрипучий причал!
Скажите мне, где я?
Хочу всё сначала начать.
Чтоб вновь растворить мне
окно в пламенеющий сад.
На чистой странице
впервые свой стих написать.

* * *

В ночи сошли снега.

Вздохнёт с рассветом поздним
и одурманит сад живой горячий грунт.
И старого плетня полугнилые лозы
мучительно пронзит ток жизни поутру.

И, словно женщина, во тьме тихонько охнет,
листом пролившись, почка в полусне.
И ночью свадебной у ветра горло сохнет,
томимо жаждою и песней о весне.

Ручьи смеются. Непокойно бродят
в подвалах соки, чтобы стать вином.
О, брачной ночи час!
О, сладкий час природы!

Раскрытые уста,
раскрытое окно.

ОКНО, РАСКРЫТОЕ В САД

Осенний ветер... Птица прокричит
и смолкнет. И туман обнимет птицу.
В одеждах светлых я стою в ночи
под чёрным деревом,
где сонной птице снится
весна. И в листьях вязнут каблуки.
Шуршит листва бездомно и трагично.
"Зачем в дурмане сладостной тоски
дивлюсь тебе в твоём ночном обличье?" –
спросил меня любимый. И под стон
далекого усталого трамвая
твержу себе: "Не должен знать никто,
что я уже не женщина земная,
а в доме неурядиц и досад
заветное окно в волшебный сад".
Светло скатилась по стеклу слеза,
и я в порыве радостном и грешном
боюсь открыть тебе окошко в сад
и утопить в его цветеньи вешнем.

Дороги от аллей моих назад
не отыскать! От терпких трав хмелея,
всегда тебе и славить, и лелеять
меня – окно, распахнутое в сад.

В ОТЗВУКЕ ЧУДА

В отзвуке чуда, в светлой надежде
рады мы зимам и вёснам нежным.
В будни и в праздник встаём до рассвета.
Ласточки в дом залетают летом.

После дождя багрянеют черешни.
Рак под мосточком выпростал клешни.
Сверчок убаюкает, кочет разбудит
в светлой надежде, в отзвуке чуда.

Щедрый подсолнух седой и горбатый.
К осени будем добры и богаты.
Вытопим грубку, внимая, как прежде,
отзвуку чуда в светлой надежде.

ОСЕНЬ. КОПАЛИ КАРТОШКУ

Копали картошку, и вёдра хмелели от звона.
Варили с укропом борщи золотисто-червонные.
И жгли огороды. Вчера, и всю ночь, и сегодня.
И жили в согласии с каждым твореньем Господним;
наш пёс был прекрасный, и кочет прекрасный, и вол.
И шмель над цикорием басом мелодию вёл.

И белых берёз островки среди добрых полей,
и светлый родник, и высокий полёт журавлей,
и рыжий шиповник в последнем осеннем тепле –
всё правда под небом на щедрой родимой земле.
Прилягу у тына и очи солью с небосводом.
Как блудного сына, прими меня, мать-природа.

ОКОНЧЕНЫ ХЛОПОТЫ ЛЕТА...

Есть и горох, и греча, спелого мака коса.
Осень, прошу седечно в хату мою и в сад.
Вдоволь картошки накопано. Просятся в кадку вилки.
Вкусно пахнут укропом в погребе огурки.
Всего у меня в достатке. Славный созрел подсолнух.
На зиму семечки сладкие в печи до утра просохнут.
Тянет от печки теплыню. Бродит наливка из тёрна.
Где-то, сверкая синью, стынут в горах озёра.
Окончены хлопоты лета. Окна в мой сад раскрыты.
Листья летят по свету. Viva vita!
Поздних рассветов просинь тонет в густых туманах.
Осень, прекрасная гостья, ты в доме моем желанна.
Я ведь прошу немного, осень, за труд мой тихий.
Были бы хлеб и дорога. Друг. И дитя. И книги.
Здоровье... А слава? Да бог с ней!
В дивном своем круженьи
наворожи мне, осень, мудрое вдохновенье.

* * *

Озёра стынут по ночам.
Всё реже тихие зарницы.
Прозрачной осени печать
на жёлтые холмы ложится.

Иду я утренним селом,
и в чистоте необычайной
природы светлое чело
исполнено глубокой тайны.

Когда все собраны плоды,
и остаётся лишь усталость,
когда засыпаны следы
прошедших дней листвой опалой, –

тогда выходишь за село,
и грустью светлого покоя
тебе ложится на чело
то, что зовётся сединою.

Теперь смиренен ты и тих,
и сам себя ты судишь строго.
Увы! Убого ж дел твоих
наследство...Как оно убого!

Прозревший, мудрый, – «Вспоминай, –
ты шепчешь, – где блуждал доселе?
На что ты жизнь свою менял?»
В ответ – лишь шорох трав осенних...

* * *

До нежной жалости, до боли
я землю тихую люблю.
В седую бесконечность поля
печаль и радость перелью.

Довольно суетных желаний,
ненужных слов, пустых обид.
Гусиный крик холодной ранью
прижался к небу и болит.

И если из миров, где вечность,
пустынным холодом дохнёт,
я приоткрою дверцу печки
и побеседую с огнём.

КРАСНЫЕ ЧЕРЕПИЦЫ

Краснеют черепицы под солнцем золотым.
Мне весело бежится по лесенкам крутым.
Ребёнок я немножко, немножечко и нет.
И синь-синь-синь – горошек сбегает по стене.

Горят на солнце осы, краснеют черепицы.
Чуть-чуть я стала взрослой, немножко –
чаровницей.
Вниз лесенка, как гамма. Светла я и грустна –
немножечко я мама, немножечко – жена.

Горошек синий-синий. Пылающий паркет.
В зеркальном магазине роскошный манекен.
От самокатов синих на тротуаре тесно.
Немножко я красива, немножко – поэтесса.

И грезит морем город, и мак в степи поблек.
И... двадцать, тридцать, сорок, и пятьдесят –
и снег...

По лесенке (взойду ли?) веду гулять я внучку.
Немножечко бабуля – я с внучкою за ручку.

Краснеют черепицы. Звон мячика высок.
Горят на солнце спицы, и катится клубок.
Чуть-чуть блестят седины. Заплакать впору мне.
Горошек синий-синий сбегает по стене.

И семьдесят, и дале... Ещё, ещё – и всё!
И кто-то зарыдает, кто – розы принесёт.
Ступеньки вниз, как в гамме, и некому помочь.
И плачет дочка-мама, и плачет внучка-дочь.

Краснеют черепицы, и солнышко горит.
А мне покойно спится... Мне некого корить.
Ведь было так красиво –
по лесенкам
сбегать!

Горошек синий-синий. И слёз не удержать.

ГОРОДОК. ДОЖДЬ

Дождик шёл из светлой вышины.
Горько пахла зелень палисада.
Ни тоски, ни злобы, ни войны.
Городок, и скрипочка, и радость.

Пахли дыни. Ветерок вздыхал.
Пьяный плакал и ругался глухо.
И на квочку тявкал в лопухах
глупенький щенок с отвислым ухом.

Дождик шёл из светлой вышины.
Я пошла за ним, полна веселья.
А за мною – хлопчик. А за ним –
бирюзовый слоник карусельный.

Вот базар. И площадь. И кино.
Всё нежнее дождика касанье.
Вот мой дом, где скрипка и окно,
рыженький тигрёнок на диване.

Дождик – в плач, я – в смех,
а мокрый слон
с пацаном в кино побрёл, наверно.
Стихло всё. Лишь трепетно-светло
зажигал огонь фонарь вечерний.

В смех я шла, как в дом уютный свой,
где судьбою мне дано смеяться,
и с певучей скрипочкою знаться,
чтоб душа осталась молодой.

СТАНЦИЯ

Идут дожди... На лицах залегли
печалей тени. В садике туманном
темнокроваво отцветают канны,
а хризантемы раньше отцвели.

«Скажи, который час?» –
«Пошёл уж третий!»
В пристанционном сереньком буфете
пъём чай остывший просто по привычке.
А за окном рыдают электрички.

И я смотрю сквозь жёлтый листопад
на чёрный мост, что громоздится хмуро.
И что-то отвечаю невпопад,
а мой попутчик сердится и курит.

Всё правда. То, что тридцать. Что жена.
Что осень. И что жить нам надо просто.
Что, слава Богу, нынче есть у нас
и дом, и хлеб. И дети есть. И гости.

Что жаловаться грех (да и кому?)
на долю. Всё сбылось. Всё удалось нам.
Согласно улыбаюсь я ему,
и шум дождя слова его относит.

Так почему ж на лицах залегли
печалей смутных тени? Я не плачу.
То просто осень так во мне чудачит,
то просто женщина во мне болит.

Идут дожди... Но и они пройдут.
И облетят берёзы в полусне.
И осень отпечалится в саду,
и просветлеет женщина во мне.

ОСЕННИЙ КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР

Мой летний поезд замолчал устало
пред липами у старого вокзала.
И я зашла в их призрачную тень.
«Здесь осень» – мне обыденно напомнил
мой муж. Я сладко выдохнула: «Дома...»
и сердцем приняла осенний день.

Притишена до лёгкого *piano*,
о чём-то светлом скрипка напевала.
В моём окне река, и луг, и лес.
Я милостиво осени кивнула:
«Ну, здравствуй, я готова, я вернулась.
Настраивай свой камерный оркестр».

Заговорили в сумерках куранты
про то, как час проходит сквозь пространство
и в вечности находит свой приют.
И разуму туда закрыты двери.
И лишь душа в спокойной тихой вере
провидит всё, когда куранты бьют.

Вступает дождь... Высокий и безбрежный,
он властвует уже, и неизбежно
размоет он непрочный тот сосуд,
который дан тебе самой природой,
и мысль, и чувства пустит на свободу
и перельёт в холодную тоску
просторов... Но проходят все печали,
когда призывно барабанит чайник,
поёт сверчок в запечном закутке.
И в этом есть спокойствие и сила,
мол, за века ничто не изменилось.
Всегда куранты били в уголке.

И светлая девчушка вырастала,
в свои косички банты заплетала.
Гляделись в окна луг, река и лес.
Минует всё...

Но пусть вовеки будет
твой дом, где словно ласковое чудо,
звучит осенний камерный оркестр.

* * *

Снег. Мороз. Двойные рамы.
Шубку теплую надень-ка.
На снегу под фонарями
мы танцуем Летку-еньку.

Как сумеем, как удастся
мы станцуем и споём.
В этом свете, словно в сказке,
есть для каждого своё.

Каждый пёс из чистой миски
ест горячие сосиски.
У бабулек и дедов
белых два ряда зубов.

За волнистой, белоснежной
занавеской из нейлона
старички грызут орешки
и читают Сименона.

Есть у каждого мальчонки
папа, мама и сестрёнка.
Охраняет каждый дом
свой старинный добрый гном.

Есть и перья для беретов,
и блокноты для поэтов,
для девчонок – каблучки,
а для лысых – парички.

Будем соки пить и пунши,
чтоб румянцем расцвести.
Нынче к празднику все пушки
заряжают конфетти.

* * *

Всё я знаю. Когда я помру,
стану гномом в атласном жилете.
Мил мне будет мой гномичий труд –
золотить на сервизах букеты.

Не герой, не мудрец, не пророк –
что умею? Смеяться и плакать.
Будет алый мелькать колпачок,
как цветочек весеннего мака.

Буду пробовать сахар и тмин,
и ликер из серебряной рюмки.
Чутко спать среди долгой зимы
буду в старой уютной шкатулке.

Взяв уроки хороших манер
у фарфоровых дам деликатных,
заведу себе трость и лорнет,
и, конечно, сверчка-музыканта.

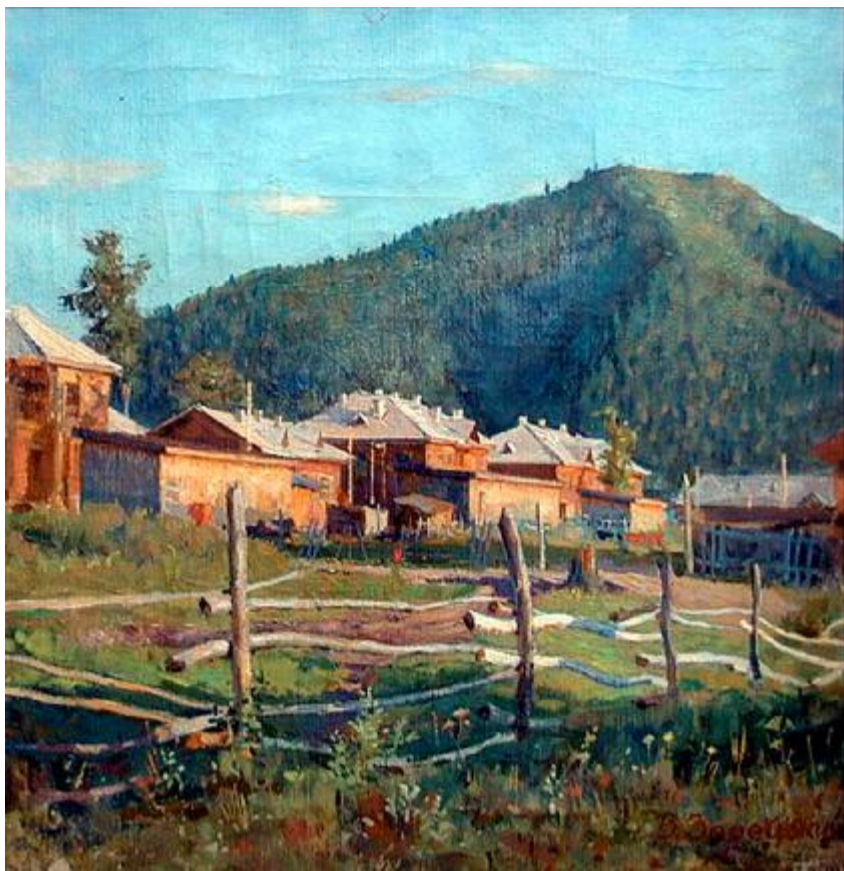
Я с маркизом сыграю в пикет,
разучу я с маркизой дуэтик.
И пожалуюсь тихо валету,
мол, конца у бессмертия нет.

И столетье, другое, и третье...
В час, когда за окошками снег,
в своем старом кургузом жилете
я на радость поэтам и детям
буду сказки шептать в тишине.

О, не плачьте, живые, по мне...

Худ. В. Зарецкий

Худ. В. Зарцкий

СВЕТ ОСЕНИ

(Цикл)

В такие мгновенья
вселенную я постигаю.
Если не в этом радость,
то в чём же она иначе?

*Тао Юань-мин**

1

Я праздновала вечер года
в озябшем доме у горы.
А он смотрел сквозь непогоду
на пустоту дорог сырых.

Брела горами. И под вечер
сидела в кресле у огня.
Настрой был тихий и сердечный
у мудрых книг и у меня.

И стало с вечером унылым
уединенье золотым.
И так неодиноким было
мне с одиночеством моим!

Чуть опечалена годами,
с ним говорила в тишине:
«Ну, что сегодня нагадаешь,
дружок красноречивый, мне?»

За озером кричали лоси,
тревожил шорох камышей.
И, как вино, светилась осень.
Был праздник осени в душе.

И уходил тот день, влекомый
седого времени рекой.
А я вздыхала: упокой мя,
там, через тысячу веков!

2

Склонившись, астры лето отпевали.
Темнели птицы, и дожди цвели...
О Тяо-сян, хочу я выпить с Вами
бокал вина из золотистых слив.

Не отступлюсь пред гулкостью просторов,
пред далью Цзиньской сумрачной поры.
Ведь так близки мои родные горы
далёким склонам милой Вам горы.

Я Вам – про осень, огород и дом.
А Вы в ответ – про туты и про ветер.**
Нам любо осветить осенний вечер
огнём бокалов с молодым вином.

А на челе морщины пролегли.
В зрачках мелькнула тень пролётной птицы.
Когда осенней ночью мне не спится –
Вам тоже не уснуть на дне земли.

О, сколько нынче чудных перемен!
Вот прозвучит ночное слово тиши.
Как робкий проблеск света в полной тьме,
нам первый звук стиха как будто слышен.

Сегодня мы роднее всех родных.
И спят, устав от войн и лихолетий,
семнадцать упокоенных столетий
меж нами...

Тише! Не будите их...

Я вчера побелила. Раскрыла окно –
там грибами пропах ветерок на рассвете.
А на столике книги, свеча и блокнот.
Что же нужно ещё человеку на свете?

За окном бересклет зашуршал и притих.
Мягким солнцем осенним приглажены горы.
И не надо сейчас ничего говорить,
потому что слеза подкатилась под горло.

Подобрала щенка среди жёлтых бугров.
Я дала ему хлеба, пригрела у грубки.
Он смотрел в мои очи. И солнечным утром
поняла я – то в сердце смотрела любовь.

«Мы с тобой – мы любовь!» –
 стало слышно тогда
в грустном шорохе трав,
 в крике птицы высокой.
«Мы с тобой – мы любовь!» –
 так огонь трепетал,
и вода потаённо шептала в осоке.

А дорогою – люди. Сегодня базар.
И в душе зазвучало такую любовью,
что её мне ни выплакать,
 ни рассказать.

И найдётся ли тот,
 кто поймёт всё без слова?

4

Огонь. И сумерки. И чай.
И два апостола Эль-Греко.
По крыше дождики стучат,
а здесь – сверчка запечный стрекот.

Когда ты книгою бредёшь,
в потёмках лампой освещённой,
не могут суета и ложь
души коснуться просветлённой.

Среди веков седого поля
приют свой домом называем.
Куда ж ты мчишь, преодолая
из лёгких рвущуюся боль?

Мне б дочитать... Ещё немного...
Ведь кто-то свыше обещал.
А ночь, не ведая пощад,
пришла и встала у порога.

И тихого огня печаль,
и “скорой помощи” тревога.
Ещё б немного...

5

Я живу вот в этой дикой хатке,
сгорбленной, отбившейся от рук.
Скоро год, как умерла здесь бабка.
Здесь когданибудь и я помру.

Яблонька-кисличка у крылечка,
сивым черноталом двор зарос.
Видно, простудилась в доме печка,
и пыхтит, чадит она до слёз.

Мне теперь поесть бы и согреться.
Борщ сварю и грубку протоплю.
Тявкают лисицы близко где-то.
И всю ночь, их слушая, не сплю.

Да скрипит калитка монотонно,
ветер скучно трётся об кору.
И в потёмках бродит беспокойно
домик мой, отбившийся от рук.

И бормочет хатка несуразная,
словно бабка, тронутая разумом.
Спотыкаясь, будто бы ослепла,
что-то ищет. Может, брода в пекло.

Псы за нею бегают, аж хрипнут.
И в трубе насвистывает ветер.
Не с кем слово молвить в целом свете.
Не с кем в эту ночь поговорить мне.

6

Живу в очарованьи вечных тем.
Крик иволги. Темнеющее поле.
Туман. И пышность жёлтых хризантем –
предвестница осенних меланхолий.

И сколько бы ни старилась земля,
и сколько б мы ни открывали тайн,
мы всё такие ж, как и старый Тао –
сердца в нас так же любят и болят.

В осеней вечер слово засвечу.
И мир вокруг засветится от слова.
Я никого на свете не учу.
Раскрыв окно,
смотрю я в сад с любовью.

Вот паутинок серебристых снег.
Вот жёлудя в листве простое чудо.
И так природе близок человек,
так человеку без природы трудно.

И понимаю, что тут говорить –
я разве первая служу вечерню?
От нового ведёт к былому нить,
и узнаём мы старое в модерне.

Крик иволги, и одинокий шаг
отшельника – и мы грешны тем самым.
Вот научиться б дорожить словами,
подчас перо брать в руку не спеша.

Похожие на солнце хризантемы
мой освещают сад. Уже давно
я чувствую, что исчерпала тему.
Но есть вино. Но есть ещё вино...

Примечания переводчика:

* В оригинале стих Тао Юань-мина дан в украинском переводе. Здесь – в адаптированном русском переводе Л.Эйдлина.

** По стихотворению Тао Юань-мина «Посадил я однажды у Янцзы на побережье туты...» из цикла «Подражание древнему» (русский перевод Л.Эйдлина).

ИЗ «МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕТРАДИ»

Цикл

ЙОЗЕФ ГАЙДН «ПРОЩАЛЬНАЯ СИМФОНИЯ»

– Скажи, зачем тот валторнист худой
уходит тихо, погасивши свечку?

– О, не смотри туда, моя любовь!

Там – вечность...

– Скажи, зачем седой флейтист встаёт?
И гасит свечку? И шаги стихают...

– О, не смотри! Его, дитя моё,

крыло покоя манит...

– Скажи, зачем, свой отложив гобой,
учитель твой уходит так печально?

– О, не смотри туда, моя любовь!

Там – тайна...

И виолончелист, свой опустив смычок,
ушёл, теряясь в полумраке зыбком...

Что ж так устали руки? И плечо
промокло насквозь от рыдания скрипки?

А в волосах так много серебра?

И ты уходишь, мой дружок, мой брат?

Возьми с собой!

Но вот уже одна я...

Играть! Играть!

Дымок над пультом тает...

Мой звук последний – это, как печать,
как гвоздь последний в ту немую сферу,
которую учили мы звучать.
А нам, увы!
указано на двери.

Кого просить, кого на помощь звать,
когда душа скорбит о неизбежном?
Была бы только музыка жива!
Лишь в ней – надежда.

АРНОЛЬД ШЁНБЕРГ **«ЛУННЫЙ ПЬЕРО»**

Совсем я одинок в великой буре.
А.Шёнберг

И мой переступил порог
по-детски хрупкий и наивный
принц Лунной Полночи – Пьеро
с отчаянным речитативом.

Терзает душу, сердце рвёт
конфликт сопрано и оркестра.
То горького неверья гнёт,
то светлого доверья всплески.

То бесконечный звёздный путь,
то осени промозглой жуть.
И Вена, как халат гигантский,
трещит на чреве у мещанства.

...Смотрел смятенно человек
на мир, что в материнских корчах
в бреду рождал двадцатый век.
И не сберёт его от порчи.

«Спасайте же в себе добро!» –
среди атонических созвучий
взмолился плачущий Пьеро.
Но бился век уже в падучей.

Маэстро Шёнберг! Вам идти
пора... О, как они свистели
в ключи от сейфов и квартир!
Рычали, топали, ревели!

Пропах надолго потом театр.
...Он шёл домой, худой и лишний.
И серый дождик, друг и брат,
вздыхал, припав к его манишке.

И спал, как сытое стадо, где гладкие все, как один,
похожие рыла упрятав в потную душность перин,
цвет бургеров. Пиво привычно бурлило в самцах пузатых.
А в самочках патриотичных уже вызревали солдаты.

...А там, где печальные шпили,
без сна, а в очах их рассвет,
паяцы и мимы творили
свой дивный опасный балет.

Все в белом. Как звёзды. Как чайки.
Канат над землёю провис.
Как горько звоночки кричали,
когда обрывался артист!

Пижамы в цветах серебрёных.
И звёзды в разрезах петлиц.
Пылали в ночи над землёю
застывшие огнища лиц.

Бессонны, блаженны, прекрасны,
они, не от мира сего,
давая надежду на счастье,
крылом осеняли его.

Паденье...
И сумрачны реки
веков. Но забрезжило синью!
Искусство! Пребудут вовеки
в тебе твои звёзды-мессии.

Пусть вечно тревожит и ранит
звучаньем трагичных крещенд
в высоком порыве сопрано.
И флейта. И виолончель.

ЧУДЕСНЫЙ РОГ ГУСТАВА МАЛЕРА

Нет, ничто мне не чуждо, весь мир...
Г.Малер

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Братья, садитесь за стол благородный Молчанья.
Помянем ушедших, касаясь друг друга плечом.
Пусть души исполнены будут любви и печали,
как солнцем осенним сегодня наполнен наш дом.

Братья, садитесь за стол хлебосольный Беседы.
Пусть будут неспешными речи про мир и про хлеб.
Пусть наша любовь отведёт все тревоги и беды,
чтоб было покойно в руках наших тёплых Земле.

Братья, садитесь! Дитя родилось на рассвете!
Качнём колыбельку над вечностью крепкой рукой.
Как искристой влагой бокалы наполнены эти,
пусть мир золотится от солнечной веры людской.

Братья, садитесь за стол, где чарует Искусство.
Пусть слово возьмёт убелённый годами скрипач.
И снова – молчанье. И кровь собирается в сгусток.
И рвётся из сердца печаль утоляющий плач.

ПЕСНЯ ЧАСОВОГО

Слушай, ночная земля!
Слушай, небо ночное,
песню, что поёт часовой
на посту:
«Я пою про мальчика, что спокойно заснул,
обняв голубого медвежонка.
Я пою про его маму,
похожую на гроздь винограда
в свете зелёного ночника.
Я пою про отца. Он спит глубоко
и спокойно, как тот, кто честно прожил свой день.
Спят влюблённые, что, как две половинки яблока,
подходят друг к другу. Окно их комнатки
засыпано синими хризантемами рассвета.

И поэт под зелёным парашютом лампы
 спускается на грешную землю.
И кот золотую лапою привычно открывает квартиру,
 возвращаясь из ночных странствий.
Вспыхнула птица!
И первый троллейбус, дрожа от свежести,
 раскрывает дверцы...
Я стою на посту.
Город, как дитя, сладко дышит
под зелёным крылом моей плащ-палатки,
 прижав к груди церквушку.
Я стою, повернувшись лицом к восходу.
На кончике моего штыка играет солнышко.
Я пою Утреннюю Песню Верности.
Я ещё ничего не знаю.

Я смеюсь, вызволяя крохотного
 золотого мотылька из паутины.
Я прошу прощения у паучка за то,
 что оставил его без завтрака.
И в тот же миг
 падаю лицом в траву
 с ножом в спине...»
Город, беззащитный и розовый,
стоит, опустив руки
перед Войною.

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ

Бросьте, витии!
С экрана иль сцены
бросьте твердить мне
о жизни бесценной.

Мимо слова, словно листья, летят.
В хатке в ночи умирает дитя.
Мать, что от голоду стала стара,
просит кровиночку не умирать:

– Дитяtko, родненький, не умирай!
Скоро созреет большой урожай.
Свежего хлебца тебе испеку.
резвые ножки твои побегут.

Голос слабеющий ей отвечает:
– Мама, дай хлебца!
Хлебушка дай мне!
Корочку дай мне.
Крошечку дай.
Мама, дай хлебца!
Не покидай...

– Дитяtko, родненький. Чуть подожди.
Видишь. Уже зацветают сады.
Яблочек целая будет гора.
Не помирай же! Не помирай...

Слабенький голос ей отвечает:
– Мама, дай яблочка!
Яблочка дай мне!
Ну хоть кусочек.
Хоть на зубочек.
Мама, дай яблочка!
Не покидай...

– Родненький, спи, успокойся. А днём
добрый волшебник заглянет в наш дом.
Скажет: «Здесь маленький мальчик живёт...»
И молочка тебе в чашку нальёт.

Ей еле слышно дитя отвечает:
– Дай молочка мне!
Мамочка, дай мне!
Ну, хоть глот...
Гаснет мольба на устах.
Медленно стынет дитя на руках.

День этот чёрный. И пламенем – ночь.
Смех в моём горле иссохшем клокочет.
Бросьте, витии!
С экрана иль сцены
бросьте твердить мне
о жизни бесценной!

Мимо слова, словно листья, летят.
Где-то сейчас умирает дитя.
Скорбны рефрены детских страданий:
– Мама, дай хлебца!
Хлебушка дай мне...

ПАМЯТЬ

2-я часть II симфонии

Не заблудись, не пропади в ночных туманах.
Иди не дальше света от окна.
Не дальше запаха от этих роз багряных.
Не дальше снов, что дарит тишина.

Не дальше нежности.
Не выходи из круга,
где ты добыть огонь из сердца мог,
как высекает трепетный смычок
из скрипки золотые искры звука.

И в память дней и лет неповторимых,
чтоб путь твой не был тѣмен и горюч,
не перейди, не преступи межи незримой,
где потеряешь ключ...

Один лишь шаг в ночную мглу – и сразу
ты всё забыл. И всё-таки живёшь.
Куда-то наугад во тьме бредёшь.
Но отекала душа, и смутен разум.

Что минуло – прошло... Но всё ж сполна
былое помни. Сквозь ночную заметь
пусть время льётся светом от окна,
как долгая негаснущая память.

Не потеряй, не расплескай себя в пути.
Ведь разве наша жизнь не сочетанье,
слиянье радостей, и болей, и печалей?
Тех, что прошли, и тех, что впереди.

О КРАСОТЕ

«Всем добрый день!» – И гость к столу присел.
И вдруг, как будто в комнате волшебной,
упала пелена ковров и стен,
открыв простор сияющего неба.

И, протерев бархоткою перо,
тот гость сказал, что крепко умирится,
что прибыл по заданью статбюро.
а сам скрывал на босоножках крыльца.

Он записал, блокнот перелистав,
все данные – о возрасте, о нуждах,
оценки сына и награды мужа.
Потом спросил: «Что значит – красота?»

И ветерок прошелестел тогда
и прозвенел посудой буфетной.
Всё было общим здесь, но красота
была для каждого своей, заветной.

На тумбочке пылал телеэкран
багряной страстью праведного боя.
А мальчик ликовал и замирал,
и самым главным быть хотел героем.

Раскрыв буфет старинных добрых форм,
хозяйка трогала, как тающую льдинку,
облитый светом месяца фарфор.
А он дарил очам её искринки.

Смотрела девушка в вечерний сад.
А там,
где тишина и золото аллей,
тревожно затаилась красота.
Да только нелегки дороги к ней!

Старался тщетно юноша прервать
девичий взор, глубокий и печальный,
что мимо шёл, его не замечая,
волшебной освещая дерева.

Ведь только в ней ему души не чаять,
лишь для неё слагать стихи и петь.
А гость пошёл, на цыпочках ступая,
чтоб крыльцами сандалий не звенеть.

Уже вблизи звезды какой-то новой
пробормотал он: «Что там ни пиши –
а красота есть отражение земного
в небесном зеркале души».

ПЬЯНЫЙ ВЕСНОЮ

Ну что же, что пьяненький? Не обижай
того, кто вдруг взял и запел разудало.
Весна ему нежно развеяла шарф
и щёчку поцеловала.

Упрямо ломает брусчатку трава.
И в скверике птицы не знают покоя.
И солнечным ветром относит трамвай,
чтоб он не тельнячал вот тут, над душою.

Ну, пьяненький он. И, от солнца сомлев,
стоит, ослеплённый, в сверкающей луже.
Так это ж не главное зло на земле.
Чтоб в лужах стоять, разрешенья не нужно.

И кто запрещает, обнявши каштан
(но чтоб не топтать башмаками календул),
смеяться, стихи воробьишкам читать,
и женщинам щедро дарить комплименты.

С улыбкой, и в том я не вижу вины,
он кормит приبلудного пёсика тортом.
Наверно, у пёсика день именин –
недаром так светится праздник на морде.

Смотрите! Смотрите! Полою плаща
взмахнул человек и взлетел, словно тенор,
оставив нам зависти лёгкой печаль
и шёлковый шарф на рожочке антенны.

Возьмёт его в спутники пани Земля,
чтоб панну никто невзначай не обидел.
Ведь маленькой страшно планетке гулять
одной по безлюдной и тёмной орбите.

ПЕСНЯ СТРАНСТВУЮЩЕГО ПОДМАСТЕРЬЯ

Петушок пропел над ухом:
«Подмастерье! Эй, вставай-ка!
Ждёт дорога, ждёт разлука.
Да и ты проснись, хозяйка!»

Спохватилась тут Шарлотта.
Закричала: «Я пропала!
Ой, попала я в тенёта.
Ой, в тенёта я попала!»

Ей со смехом и укором
отвечает подмастерье:
«Никогда я не был вором.
Ты сама открыла двери.

Поцелуй же на прощанье!
Положи в котомку хлеба.
Я вернусь. Я обещаю...»
И пошёл под синим небом.

Перед хлопцем быстроногим
вдруг предстал замшелый камень.
А за камнем – три дороги.
Выбирай любую, парень!

Вправо – станешь ты богат.
Станешь знатен и всемогущ.
Влево – жизни смысл искать
будешь странником в пустыне.

Коль пойдёшь ты прямо – будут
травы, птицы. А в ненастье
добрые пригреют люди.
Главное ж –
ты станешь Мастер!

И потопал парень прямо.
Надо верить старой сказке!
Полыхал закат багряно.
Это – к ветру!
Это – к счастью!

А когда морозец окна
разукрасил к свадьбе сельской,
молодую сладко торкнул
кто-то ножкою под сердце.

И она, расправив алый
платья шёлк на животе,
улыбнулась: «Будет малый
непоседой. Как отец».

ЗЕЛЁНЫЙ СОН

Середина лета. Дом. И огород.
И душность отцветающих акаций.
Средь малых дел и маленьких забот
боюсь и я вам крошечной казаться.

И всё ж, когда порой из-за реки
беззвёздной ночью злые ветры веют,
мне говорят сухие лопухи
про то, о чём сказать я не умею.

Нет слов таких. Бессильны все цвета.
Но всё я понимаю. Или снится?
О, вечности дыханье на ресницах!
О, жёлтый вкус печали на устах!

Как тонок звук трагичный за стеклом,
для слуха чуткого тревожно-новый...
И понимаешь, что одной мы крови
вот с этим умирающим листом.

Так сердцу тяжело во мгле зелёной.
Такой жестокий и тягучий сон,
где чьи-то руки, с высоты бездонной
простёршись, разорвали горизонт.

И ни конца, ни края...
Растеклась
душою вечность, словно мгла без просини.
И нет уже здесь ни добра, ни зла.
А лишь неумолимость осени.

И вдруг – повеет ладаном от звёзд.
И я скажу: «Да этот страх – от чёрта!»
И золото неведомых аккордов
мой успокоит воспалённый мозг.

И горизонт сомкнётся за стеклом.
Растает сон безжалостный вчерашний.
Я обрасту покоем и теплом.
И стану снова так мала – аж страшно...

Вступление к “ПОЭМЕ ПЕСЕН”

Снега легли надёжно, до весны.
И, как в берлогах, спали в них трамваи.
Наверно, снились им медвежьи сны...
И празднично метели ликовали.

Они вершили светлый свой полёт
и укрывали снегом, как забвеньем,
останки древних Золотых ворот,
что безнадёжно ждали погребенья.
На улицах качали фонари,
сугробы наметали на распустьях
и раздирали мантию зари
на огненные алые лоскутья.

Но я почуяла в недобрый час
на перекрёстке, снегом заметённом,
как странны песни ветра в этот раз –
в них привкус пустоты бездонной.
Меня вела завьюженная муть,
казалось, в день грядущий из былого.
Ведь только этот и возможен путь
для люда осторожного земного.

Как бы не так! Ступила шаг – и вдруг
ни времени того уже, ни дома,
где было всё мне мило и знакомо,
и лёгок был стиха певучий звук.
И дни, что оторвались от годов,
запутались во временном хаосе.
Я заплутала в горечи дымов –
в глухую быль они меня уносят.
И – чёрные ворота. И земля,
где, знаю, и моя есть капля крови.
И голос предков, И душа моя
освящена их вечною любовью.
Двадцатый век совсем ещё дитя.
И с нежностью в его смотрю я очи.
По руку правую – улыбка бытия,
А слева – смерть, чей взор темнее ночи.

Мне говорят: “Оставь свой нищий строй.
Готовится здесь драма. Так сыграй же
Высокую в ней Роль.
А мы подсказем...”
“Да мне ли, – говорю, – актрисой стать?
В трагедиях и вовсе я невежда.
И кто я есть? Кого смогу сыграть?”
А мне в ответ: “Тебе играть Надежду!”

Живуч на этом свете человек!
Без дома может он, без огорода,
без корки хлеба, даже без свободы,
без рук, без ног, без деток целый век.
Без матери, и без родных людей,
в тюрьме, в ярме, в оковах, на коленях,
без поля, без высоких журавлей,
без радостей труда, без вдохновенья,
и без царя в беспечной голове.

Без тени в зной, и в холод без одежды –
безо всего жить может человек,
покуда рядом с ним стоит Надежда.
“Смогу ли я?” – спросила я несмело.
“Иди, играй! – услышала в ответ, –
чего на свете только не сумеет
жена и мать. К тому ж ещё поэт”.

Простой платок накинуть мне пора,
надеть простое платье, и – в дорогу.
Спасибо, смилостивилась заря –
позолотила мой наряд убогий.
Благодарение судьбе моей,
что мне дала свирель. Иду, играю.
И Бог меня за мой талант карает
сердечной жгучей болью за людей.
И стала я – не я. Пришёл мой срок.
Среди народа крепкого, родного
я потекла, как животворный сок,
по каждой ветке древа родового.
Ведь я его Надежда. И дитя.

Село. Крещенских звонов благолепье.
По руку правую – улыбка бытия.
А слева – смерть в пылающем отрепье.

СТИХ В АЛЬБОМ

Евгению Сверстюку

Снова праздную жизнь и пою
свою жажду, свой голод юный.
Слава богу – ещё люблю.
Слава богу – ещё воюю.

И печаль тополей я праздную,
и рассветную стынь сентября,
мою муку и горькую радость
безнадёжно любить тебя.

И тюльпан из огня и золота
поднимаю и пью, мой любимый,
за твою кучерявую голову,
за твои недоступные губы.

Пью за нашу осеннюю дружбу,
и за кофе горький нектар,
и за тщетность тебе ненужных
всех моих поэтических чар.

Пью за годы, которые минули,
и за нас, заплутавших в годах,
и за тоненьких улочек линии,
и за первый снег на висках.

Снова праздную жизнь и пою
свою жажду, свой голод юный.
Слава богу – ещё люблю,
Слава богу – ещё воюю.

СУМЕРКИ

Так в сумерках душе моей тревожно...
На обагрённой заревом земле
в туманах этих разминуться можно
с судьбой своею, заплутав во мгле.

В злых сумерках теряют силу речи,
касается души глухая вечность.
И женщина теряет смысл дней,
а милый не найдёт дороги к ней.

Сверкают окна баров и кафе,
там дым, там строй бутылок разноцветных.
Найти там место – как открыть планету.
Иди домой, где старенький буфет,

где стол накрыт клеёночкой простою,
где пахнет супом вкусно и тепло.
Да прищемило душу сизой мглою,
и закружило вдруг, и повело.

Пролил закат последний свет неяркий
на площадь, где стучат ещё мячи,
пучки редиски продаёт крестьянка,
и хрипло где-то музыка звучит.

Присядь на лавочку в ногах Атланта.
Он на плечах упрямо держит Свет,
хоть весь давно изранен и заплатан,
от синяков живого места нет.

Ветрами голова его полна,
прострелена ракетами, седая.
Он – словно дерево, чьи корни подмывает
порою равнодушная волна.

Край неба затянуло чёрной тучей,
и туча не дождём полна – вином.
Но, опалив цветы, янтарный лучик
успел войти в открытое окно.

Там кто-то так нетерпеливо ждёт
желанного!
Иной всю жизнь идёт.
И женщина всю жизнь, бывает, спит,
и на ресницах солнышко блестит.

Откуда в мире зло? – Атлант, скажи.
Не потому ли нет ему конца,
что каждый день оно острит ножи
о наши неразумные сердца?
Что возвестил закат багрово-алый?
Конец?
Начало?

Кассандра молвит: «Знаю – да молчу».
Но потемнели очи у Кассандры.
Узнать я не пытаюсь. Я свечусь.
И свой цветок кладу к ногам Атланта.

Прости меня. Не в силах дорости.
Но верю я в твою седую бронзу.
И тихо, неприкаянный, летит
по небу шарик.
Угасает солнце.

НА СКЛОНЕ ДНЯ

Наш облик в зеркалах трепещет,
дрожит, тускнея день за днём.
О, догорающая свечка!
Не захлебнись своим огнём.
Не обожгись вечерней грустью
сорокалетнего лица,
когда в груди темно и пусто,
и встал декабрь у крыльца.
Не задохнись в себе сама,
когда встряхнёт немилосердно
тебя, как градусник, зима,
и нуль свинцово стиснет сердце
тугим сатурновым кольцом,
и годы лягут на лицо,
и тело вяло и недужно,
как рубище, прикроет душу.
Оно измято, как тюльпан,
что опадает под метелью,
роняя лепестки на землю,
чтоб следом – спать... Навечно – спать.
Что делать? Мы не бунтари.
Мы просто (о печаль!) старые.
На тёплом юге наши птицы,
друзья – в земле. И среди зимы
сквозь слёзы нам как будто снится,
что в сумерках ненастных мы
стоим пред белою стеною,
и дверь зелёная в стене!
(Там – сад. Там в синей вышине
сияет солнце золотое.
Поют свирели.

Смех, роса.

И в тереме средь вишен зрелых
взлёт занавесок ошалелых).
Я в сад хочу!
В зелёный сад!
Но падает с ресниц слеза –
и где та дверь? И где тот сад?
Лишь женщина с тоской земною
стоит согбенно (это я?)
и тихо плачет под стеною,
сырою, страшною, глухою.
Стоит.
Недолго ей стоять.

СЕРДЦЕ

Я вся – сплошное сердце. В сонме дней
долг сердца – биться весь свой век без лени.
Я бьюсь, и кровь струится из локтей,
сочится из разодранных коленей.

Неладно в нашей жизни быстройтечной
устроены порядки дел сердечных.

Вот это сердце (лирика, поэта!) –
холодный камень. Им хоть парапеты,
хоть тротуар мости, ножи остри.
Другое – Боже! – даже без коры.

Без скорлупы. И так легко ранимо,
как птенчик, беззащитно и наивно,

доверчиво, как малое дитя.

Что будет, если злобно иль шутя
тем сердцем каменным

да по такому –
трепещущему, мягкому, живому.

И слишком много в мире ситуаций
дают таким сердцам соприкасаться.

Наш жёсткий мир расчётов и коммерций –
как тир огромный. Но пускай курок
уже взведён – я (цель! Сплошное сердце!)
всё так же свято верую в добро.

И в истину, которая кивает
мне сквозь туманы, умирняя страх.
Она сердца смягчает и ласкает
и держит все пути в своих руках.

ПЧЁЛЫ

Хрипит динамик. Опустела площадь.
Здесь ни души. Лишь куры, мухи, лошадь.
Цыганский дождик прыскает слегка.
Течёт лениво сонная река.
Зелёный улей. Синий, красный улей.
Засеребрились травы возле них
и будто шепчут: “От крикливых улиц
уйди в пчелиный звон и отдохни.”
Был тёплый свет, и старенькая лавка,
где лопухи кругом и лебеда.
И так мне было в этом мире славно,
как не было нигде и никогда.
Так сразу стало радостно и просто.
И чувства новые лелеял тихий свет.
Из сердца словно вынули занозу,
а с тела сняли ношу сотен лет.
Цветок качнулся. Пчёлка всполошилась.
Спокойно кто-то произнёс: “Свершилось!”

Мне было дивно. Как же так? Без грома?
И даже без известия? В ночи?
Был Страшный Суд закрытым, тихим,
скромным.

Никто не слышал. Разве что сычи.
А на земле полынной и медовой
цикорий щедро у дорог расцвёл.
Всё кончилось. Всё началось – любовью.
О, первый день людей, травы и пчёл!
Цыганский дождик успокоил площадь.
Тихонько дремлет работяга-лошадь.
Велосипеды чуть скрипят, пыля.
Никто ещё не знает.
Только я.

ПЁС

Осень на свете. Осень...
Осень в селе и в полях.
Зёрна последние носит
в норку свою хомяк.

Если ветра верховодят,
дождь по крышам стучит –
даже Царя Природы
царство его страшит.

Рубит дрова за баней,
рамы вставляет к зиме.
Время творить икебану
из сухоцвета мне.

В сумрачный час непогоды,
людям глядя в глаза,
пёс по подворьям ходит,
что-то хочет сказать.

Каждый глаза отводит,
этому гостю не рад –
пёс ведь известный шкода,
лодырь и курокрад.

Я ему супа в корытце.
“Хочешь найти жильё?
Знаешь, в поле копницы
дышат добрым теплом.

Быть мышеловом, хоть бедным,
лучше, чем дармоедом”.
А курохват пообедал
и потрусил к соседу.

“Люди, эх вы... словоблуды, –
думал собачье, своё.
Брюхо набить нетрудно,
и конура меня ждёт.

Что же так душу нудит?
Водит дворами, морочит?
Думал, что знают люди.
Люди ж отводят очи.

Знают... Они ведь умнее.
Люди не могут не знать.
Сами, видать, не имеют,
так и не могут дать...

Что ли, повесть о лете?
Господи, весь в репьях...”
Осень на целом свете.
Осень и страх...

МЕСЯЦ НА ЗОЛОТОЙ НИТКЕ (Городская сказочка)

1. НОЧНОЙ ПРОЛОГ

Прозрачной тени не видал никто.
Неужто это он? В проулке? Ночью?
Он просит у меня приюта тихо очень.
Как бледен он! В затасканном пальто,
где дырки, словно звёзды...

«Я изранен
судьбою, как библейский Йов.
Я б не тревожил Вас, моя любовь,
когда б не сквозняки в любом кармане!»
Спросила я: «Так что же с Вами случилось?»
Он отвечал: «С больною головой
очнулся здесь. Хоть каркай, волком вой –
ведь что упало с неба, то пропало!»
Заморосил, серебряный, тоскуя,
над нами дождь, стуча о мокрый зонт.
И сон про Месяц, разноцветный сон
вошел в ночи в реальность городскую,
где крыши сплюснуты и тишина глуха,
где прелою листвою земля покрыта.
И призрак старости. И облики размыты
грядущего бесплотного стиха.

2. ВОСПОМИНАНИЯ ПРИ ЛУНЕ

Как это было?

Я с самолётом дружила.

Пролетая над городом, вдруг
остановился он, молвив чинно:

«Позвольте Вас познакомить.

Это – Месяц, мой друг.

А это – моя дивчина...»

Месяц был худенький и романтичный,
как Вертер.

Он присылал мне звёзды в синих конвертах.
Был он далеким, как небесные звёздные реки,
и недоступно высоким,

как Апостолы на картине Эль-Греко.

Если б я знала, что он меня полюбил!

Я бы росла изо всех своих сил.

Я поднялась бы к его вышине,

чтоб ему не пришлось опускаться ко мне.

«Пойми, – хоть шепнул бы с глубокого неба, –
ведь есть что-то выше насущного хлеба!»

А я жила себе, не тужила,
приемник крутила вечером.

Легко я в смех заходила,

а в плач – ещё легче.

Новые платья к праздникам шила.

Но он постучался в мой дом уныло.

Я открыла, вскрикнула: «Гость мой ясный!

Что ж Вы так низко пали с высот таких?»

«И небо, – он молвил – над сердцем

не властно.

На высотах моих неземных

сердце моё пустота истомила.

Одинокому Свет и Величье не милы».

Видно, и Месяц

уйти от земных искушений не смог.

И тогда прозвучал исторический

МОЙ МОНОЛОГ:

«О Месяц! Не к лицу Вам это

блужданье в суетной мечте.

Вы мыслите, не как планета,

а как фонарик в темноте.

Вам не к лицу сей дамский лепет.

Мой конь крылат. Так Вы коня

седлайте – и в галоп! На небо!

Здесь оставаться Вам ни дня

нельзя. Здесь столько суеты

нагромоздили непотребной!

Разведены уже мосты

меж тротуарами и небом.

Здесь даже ночью страшно спать.

Здесь бескорыстие не ценят.

Не стоит бдительность терять –

чуть что – ограбят или женят.

За всё здесь надобно платить.

Злословье здесь, как паутина.

Тут в рамках окон золотых,

как на портретах, тех, старинных,

гадают девы до зари.

Им в тридцать говорят – стары...

Печаль их долгую не может

скрыть шторка в голубой горошек.

Под звуки вальсов старомодных

глядят из окон – может, может...

И, как сирены мореходам

о чём-то вожжат прохожим.

А Вам – светить!

А Вам – летать!»

(Была терпка на сердце грусть,
был солон на моих устах
самопожертвованья вкус).
Ещё один за гостем шаг –
и прятать слёз уже не надо.
Летел, сияя в небесах,
стремительный мой конь крылатый.
Мой гость на нём умчался прочь,
оставив в сердце струнку боли.
И два вивальдиевских гобоя,
как свечи, освещали ночь.

3. ИЗ ГАЗЕТ

Был памятен тот год активностью светил,
дублёнками. Был кофе в дефиците.
Разбился мой бокал любимый венецийский.
О, как я плакала над прахом золотым!

В кафе «Фиалка» ела я котлеты.
Там запах не фиалок, а капуст.
В тот год плодились угрожающе поэты.
Не брал их полчища ни хлорофос, ни дуст.

«Нет, не к добру... К чему сия примета? –
гадал мой дед. – Быть может, на войну?
На глад? На мор? А может, на комету?»
А я сказала: «Верно, на весну...»

Явление сезонное. Пройдёт...»
Но скоро я за это верхоглядство
была наказана. По городу метёт
цыганский ветер конокрадства.

То тут, то там украдены Пегасы.
Заезжены. Прокручены на фарш.
Соседская девчушка в первом классе
сидит, как на меня досужий шарж.
Берет тетрадку в клетку и понуро
уже рифмует «Тетя Шура – дура!»

И вдруг

пришло сообщение:

«Несчастье!

На Львовской площади, под деревом, лежит
конёк крылатый голубой небесной масти.
Ещё живой, только ему не жить.

Преступников же след простыл. Но лично
два-три прохожих видели их всех.

В плащах с регланами.

Их было семь.

Все с виду демонично-байроничны».

Я закричала: «Как перенести
мне это горе?..»

Мир твоим подковам,
конёк мой.

Не найти уж мне такого.

Прости!

О, Месяц, а куда же делся ты?

4. ТЕХНОКРАТИАНА

Тяжка твоя рука, о НТР!

Тяжки статьи твоих апологетов!

Штампуют рифмы ЭВМ.

Дрожат поэты.

Кричат поэты: «Боже, что ж теперь?!»
Модерные мессии энергично
прибрали обывателя к рукам.
И даже бедный Месяц романтичный
стал доктором наук каких-то там.
Узнал, что он – космическое тело,
без всяких романтических дилемм.
Что весь, со всем своим свеченьем,
как на ладони он пред ЭВМ.
Что нимб его печальный – мелодрама.
Что вся его романтика вредна –
она лишь следствие вдыханья фимиама
от канцонет, сонетов и сонат.
Что он лишь спутник. Больше ничего.
Он винтик космоса. И точка!

И пустое,
что музыка ещё звучит в душе его.
Пройдёт и это, как и всё другое.
«А где же спутница?

Мы сей вопрос пикантный
обговорим», – сказал маститый шеф,
профессор пожилой, но импозантный,
отец пяти супернаучных дев.

5. СОТВОРЕНИЕ МИРА

Сначала «бѣ» темень сомнений.
Потом «бѣ» слово.
И был ответ.
И изрек Господь: пусть будет так!
И отделил Господь потолок от пола.
И стала квартира.
И это был День Первый.

И пошёл Господь в сберкассу, и сотворил
Господь
венгерский гарнитур
и отечественную кухню.
И поместил Господь
на потолке люстру, а внизу – ковёр.
И это были День Второй и День Третий.
И сотворил Господь на зависть гостям своим
антикварные часы, чтоб отделять
миг от мига, а день от ночи.
И сотворил Господь
английский настольный календарь,
чтоб отделять месяц от месяца и год от года.
И сотворил Господь телефон, и телевизор,
и пылесос,
и стиральную машину, и миксер, и всякие
иные божественные вещи.
В пятый день Бог дал жизнь пальмам,
и кактусам,
рыбкам и попугаям, сиамскому коту
и шотландской овчарке.
И благословила все эти творения
молодая супербогиня.
На шестой день Господь замесил глину
и стал лепить Адама.
И спросила его молодая супербогиня:
«Что ты делаешь, о Господи?»
И ответил ей Господь:
«Хочу сотворить человека
по своему образу и подобию,
чтоб рвал он штанишки, и таскал
сиамского кота за хвост, и целился
из рогатки в электрические лампочки,
и вытворял всякие иные
божественные штуки».

И сказала на это молодая супербогиня:
«Дело нехитрое. Успеется!»
И послушался Господь, и вылепил авто.
На седьмой день отдыхал Господь от всех
деяний своих.

Пошел, сунув руки в карманы
американских джинсов,
на перекрёсток, где сияла, как солнце,
жёлтым чревом пивная бочка, где пылали
в осеннем солнце кружки,
наполненные божественной амброзией.
И, осилив двенадцатую кружку,
благословил Бог
седьмой день, и стал он праздником
на веки вечные.

6. МОДЕРНИАНА

И вот, когда Месяц попивал себе пиво
из кружки,
мимо проходил художник
Апполинарий Дерюжко.
Помедлил. Прищурил очи. «Какой типаж!
Вы ж вылитый Месяц!
Вхожу я в раж!
Вхожу я в творческий трепет!
Вы Гамлет, скажу без лести».
«Ах, нет, я просто
Небом-Утраченный-Месяц...»
Творцу отказать? Да можно ли!
Неделю, и две, и год
Месяц дарил художнику
смелой кисти полёт.

Труд завершён! С мольберта
воззрился на свет неопрятный,
угрюмый Месяц модерный,
как телевизор, квадратный!

Ох!

Быстрее ветров осенних,
бежал он, от злости сиренев,
бежал он, гневный и острый,
и вправду квадратный от злости.

И мчались толпою тесной
за ним модернисты, эстеты:
«Вы ортодокс, о Месяц,
и ретроград при этом!»

А из витрин многоликих
смотрел хохочущим бесом
квадратный, зловещий, дикий
ночного города Месяц!..

7. ПРО ЗЕЛЁНОГО ЗМЕЯ

Жил в городе Зелёный Змей.
Такой коварный был, злодей!
Он был философ. Знал на память
Есенина, Омар Хайяма.
Умел с налету, артистично
разлить поллитру на троих он,
выкрикивая патетично:
«In vino veritas!» И лихо
на нём пылал шелкóвый шарф.
А под шарфом неугасимо
его холодная душа
горела , напоказ, красиво.
Диплом врача украв сначала,
потом купив ординатуру,

прописывал от всех печалей
свою зелёную микстуру.
Недужных в погребке встречал он.
И не было на тех приёмах
разве что деток годовалых,
а также насмерть исцелённых.
И мы там были. Я и ты.
И нам вещал он, как по нотам.
Глупы мы, Господи прости.
Всяк дурит нас, кому охота.
А вот и Месяц за столом.
Пьянёхонек. И Змею друг он.
Размылась острота углов,
и Месяц стал блаженно-круглым.
Зелёный Змей ему при этом
давал бесовские советы.
Мол, тропка на небо одна:
поставь бочоночек вина,
а на него – второй, и третий...
И небеса в твоём берете!
Твоё здесь будет всё и вся.
И распростишься ты с тоскою,
коль насчитаешь пятьдесят
таких подпорок под собою.

8. ПРИГЛАШЕНИЕ К ВЗЛЁТУ

Взлетайте! Небо безгранично!
Кто на Пегасе, кто и так.
Моя соседка злоязычна –
ей только на метле летать.

Над городом, я знаю, ночью
не протолкнуться. Сквозь балкон
на кресле кожаном рабочем
взлетел директор Храбаков.

Торжественно взлетает в небо
на дефицитнейшем ковре
(сосед от зависти помре!) –
Нинель Назаровна Шерепа.

Тот на портфеле примостился.
Вознёсся в небо и дрожит.
И я дрожу: «Ох, не убился б!
Ой, горе мне! Вот-вот слетит...»

А балерина – на пуантах,
учёный муж – на фолиантах,
а детки – на цветных мечтах,
на змеях, планерах, шарах.

Неистребима к небу тяга.
А вот и Месяц. Караул!
Он в небо хочет, бедолага.
Ведь на земле не жить ему!
Он пьян, но всё ж неугомонно
бочонок ставит на бочонок.
Со страхом я смотрю в окно:
«Ой, упадёт же, окаянный!»
Уже качается, как пьяный,
под ним высокий столп с вином.
Всё выше! Страшно вгору глянуть.
Там, поднимая свой бокал,
мой Месяц излагает рьяно
про звёзды что-то облакам.
И вдруг...

Бродячий пёс привычно
нахально помечает столп,
задравши ножку, как обычно.
И, в этом деле зная толк,
взмахнул хвостом –
и... рухнул столп!

9. ПОСЛЕДНИЕ ВЕСТИ

Серое утро сырое. Нынче так тяжело жить мне...
Лежу и тихонько ною
с грелкою на гастрите.
Утренние трамваи
уже расплзлись по рельсам.
Вниманье! Вниманье!

Событий последняя версия!
«Ночью, – уведомляет сторож Мурмурков, –
на город напали ляхи, немцы и турки».
Не одолев даже пушками доблестный Киев,
решили они науськать Зелёного Змия.
Битва была ужасной!

Над городским музеем
Змей извергал из пасти бочки с портвейном.
Грохались бочки наземь, их разверзались чрева.
Глухо земля стонала в городе древнем.
И пред рассветом туманным остановились авто.
С площади хлынул

багряный

винный

Потоп!

В ту же минуту, скинув с себя одеяла и сны,
в битву отважно ринулись Отчизны Сыны.
Хоть на бегу и падали (нет уж того здоровья),
бились они до капли.

Последней. Только не крови.
Слабли у воинов силы. Кого-то уже скосило.
Этого – перекосило, тот догорал красиво.
«Что нам тот градус, братики?!
Борька! Володька! Мусенька!
Не посралим же матери
земли Русской!»

Рёвом отважное слово
встретило всё землячество
и загудело: «По новой...
Не расслабляться!»

Пригоршнями,
совками
иль, подобравши фалды, –
Господи! – языками...
голыми... по асфальту!
Хлюпанье, чавканье дружное.
Гордые бравые речи.
Утром – нигде ни лужицы.
И похмелиться нечем.

... В городе с того года
ты не увидишь пьяных.
Пьют только соки и воды
в каждом кафе киевляне.
Боже! О, как легко им!
Лица их лучезарны.
И от досады зелёной
Змей эмигрировал за море.

10. БЫЛА ВЕСНА

Прозрачной тени не видал никто.
Неужто это он? В проулке? Ночью?
Он попросил приюта тихо очень.
Как бледен он! В затасканном пальто.

Я привела его в свой дом. Одежды
зашила. Так светил мне Месяц мой!
«Уж не пожар ли?» – думали соседи.
Я становилась юно-золотой,

сияющею, лёгкой, беззаботной.
Минула ночь. Был каждый кустик рад,
когда я по дороге на работу
вела свою дочурку в детский сад.

Он провожал нас. Вёл её за ручку.
Шутил. Смеялся. Сказки говорил.
У входа в садик, что зовётся «Лучик»,
нас окружила стайка детворы.

И я в тот день на службу опоздала –
я не могла наслушаться никак
тех лунных сказок, что детишкам малым
рассказывал мой Месяц. «Вот чудак!» –

прохожие тихонько говорили.
А детворе до них и дела нет.
Заведующая с улыбкой милой
вдруг гостя пригласила в кабинет.

Тепло сказала: «Оставайтесь с нами!
Для нас Вы клад. У Вас такой талант!»
И добрый Месяц (как откажешь даме?)
оделся в накрахмаленный халат.

Была весна. Вовсю цвели сирени.
И пели птицы о грядущем лете.
И Месяц цвёл, крылатый, вдохновенный.
И, как бутоны, расцветали дети.

11. ЛУННЫЙ ФИНАЛ

А сегодня сосед меня встретил у дома:
«Вы читали газеты?

Там пишут – беда!

Ваш дружок, что недавно светился нескромно,
вдруг исчез!»

«Как исчез?»

«А вот так. Без следа».

С укоризной качал головою сосед.

Ох! Легко вас дурить! Как наивны вы все.

Может умер? Пила я сердечные капли.

Нет! Не верю. Ведь он из компании той,

где и Тиль, и Брюньон, где и друг его

Чаплин –

не удержит и цепью их

вечный покой.

И смотрел сквозь окошко фонарь мне в глаза
глубоко, словно Месяц – как будто бы в сердце.

И блестела его золотая слеза

в тихом синем мерцании перстня.

Рядом дочка спала. Видно, снился ей сон,
разноцветный и лёгкий – так смеялась

в подушку.

Ночничок мой горел, и таинственно он
освещал этой ночью мою комнатушку.

Что-то знали они. Моя дочь. И ночник.

Серый котик-баюн, медвежонок из ваты.

Где-то дрогнули струны, и в светлый тот миг
захотелось самой в этом сне побывать мне.

...Нестерпимо пронзительно вспыхнула синь, –
небеса, небеса!!! Я сомкнула ресницы.

Видно, мне не снести этой дивной красоты,
этим чудным сияньем боюсь опалиться.

Я сказала себе: пусть и очи спалю!

И – увидела!

Синь раскрывалась глубинно.

И легко в небеса поднимался салют

из шаров – жёлтых, алых,

оранжевых, синих.

И висело на ниточке золотой
под шарами цветное лукошко. Как в кресле,
в нём в лазурное небо взлетал молодой,
аж зелёный, цветущий, как лилия, Месяц.

А внизу расцветали ручонки детей:
«Добрый друг наш, прощай!

Радуй светом волшебным.

Мы дыханьем своим напоили коней,
что уносят тебя в неоглядное небо.

Золотой ты наш спутник, небесный флейтист,
городов наших страж и лесов наших спящих.
В тёмных окнах ночных лик твой светел и чист
и в бездонных зрачках всех котов загулявших».

И порою ночью,
чтоб обычное стало чудесным,
Землю краской раскрась золотою,
как игрушку на ёлке рождественской.
Засвети свои свечи, чтобы праздником всё расцвело.
Вместе Землю беречь нам –
ведь хрупка она, как стекло.

Слышишь, как зазвенела?
Задрожали у клёна листочки.
Или сердце моё так звенит этой майскою ночью?
С яблонь цвет облетает,
зачарованный Месяцем цвет.
Так и дни отлетают в края уже прожитых лет.
Снова дрогнули струны
и замолкли... И сон мой растаял.
Скоро стану седой и мудрой.
Оттого и светла, и грустна я.

Буду внукам и внучкам
 сочинять колыбельные песни.
Родилась я везучей,
 за меня ты не бойся, мой Месяц!
И слетят с неба шарики,
защебечут в саду, как синички.
Будут радовать маленьких,
 целовать их румяные личики.

И по радуге вниз скатит Месяц лукошко плетёное.
В нем я стану хранить
 мягкой шерсти клубочки весёлые.
Будут летом раскрыты окна в тёплые сумерки парков.
Из тех радужных нитей я свяжу ребятишкам подарки.
Тихим счастьем лучиться будут очи.

О Месяц! Свети!

Золоти мне ресницы и спицы мои золоти.
Жить, стареть, умирать так привычно нам,
 людям земным.
Лишь тебе б не устать
 золотить и беречь наши сны.

Светлый тополь высокий,
и трепетный локон плюща.
И стихов наших строки,
и небесную нашу печаль.

Худ. В. Зарецкий

Худ. В. Зарецкий

ЛЕТО С ОСЕННИМ ВЗОРОМ

Цикл

1. МОТЫЛЁК НА РУКЕ

Отзвенели, отцвели сады по взгорьям,
и нарциссы отлетели к синю морю,
травы угодили под косу,
растеряли светлую росу.
Отцветут на днях акации и грозы...
Время уж не катит тихим возом –
будто кони вскачь его несут.
Будто только обручились зорькой тихою,
а уже в вечерней хате свадьбы свет.
Не вчера ли пчёлы тешились гречихою?
Нынче рады даже падалкам в траве.
И в варенье нашем розы аромат,
и жасмины насушили мы для чая.
Багрянеют винограды вдоль веранд –
собираются в дороженьку печальную.
Что ж стоит так долго дочка пред окном...
Не кричат ли ласточки ей : “Может, с нами?”
Как осеннее гнездо, притих наш дом,
и боится скрипнуть он дверями.
Маленький зелёный музыкант
знай, сверчит... И на веранде синей
всё диктую сыну я диктант,
пока дождик сеет на малину.
Дождик сеет, а сынок растёт.
Побыстрей бы! Я уже старею...
День, как век. Но верно же и то,
что и век, как день.
Прохладно. Вечерет.
Подрастай скорее, мой родной!

Я диктую: “Дождик серый-серый...”
Сын смеётся, в серое не веря,
и упрямо пишет: “Золотой...”
Сеет дождик. Серенький. Простой
(ах, простите, – не простой, а золотой).
Скоро осень. И светлеет добрый сад,
чтобы легче оглянуться мне назад –
в лето юное, и далее – в весну...
Мотылёк, большой, мохнатый и цветастый
сел мне на руку, доверчиво заснул.
Не спугнуть,
не погасить бы это счастье!

2. ДЕНЬ АСТР

Уходит август. Уж соседи
купили малышу букварь.
А у крылечка астра светит –
высокий голубой фонарь.
Ночами – дождь, но ясно утром.
Роскошно ловятся сомы.
И пахнут терпко и уютно
над огородами дымы.
То по грибы, то по лещину
(какой зимою будет пир!)
Иль невзначай отыщем с сыном
тропинку в незнакомый мир.
А у колодца – гром ведёрный.
Там бабы всласть судачат вздорно
о том, о сём – свербит в ушах.
Того зубами перетёрли,
ту – понесли на языках.
Мол, ни стыда, ни срама нету.
Мол, ей уж больше сорока,
а только схоронила деда –
глядь, привечает примака.

– Да был бы хоть мужик путёвый,
а то – залатанный пиджак,
какой-то квёлый, хлипкий... Словом,
наверно, пьянь.
– Наверно, так.
А тучки лёгкие – как храмы.
Печаль касается щеки
росою, дымом и грибами,
и счастьем, чьи уста горьки.
Таким убогим, поздним счастьем,
что, проходя через село,
жалея Катрю, Ганну, Настю,
руками грустно развело.
И засветило астры синью,
и бабам скинуло с руки
листы осенние сухие
в подолы, словно медяки.

3. ОСЕНЬЮ ВСЕГО МНЕ ЖАЛЬ...

Листьев первая коснулась ржа.
Крик гусиный – как зимы предтеча.
Ранней осенью всего мне жаль:
пчёл, цветов, притихших дач и речек.

Впрочем, у природы всё пригоже.
Птицам – перья, рыбам – чешуя.
Да людей жалею я, о Боже! –
коль уходит из-под ног земля.

Всё не так, непросто и невлад.
Там нехватка, там – на латке латка.
Жизнь несёт нас, как в телеге шаткой
и не сдаст хотя б чуть-чуть назад.

Жизнь несёт нас, гонит и морочит,
даже оглянуться не даёт.
Торба с сеном заслоняет очи,
запах сена остро в ноздри бьёт.

С хламом бытия бредём приниженно.
Нас, как клёны, обжигает ржа.
Жаль мне всех – и дальнего, и ближнего.
И себя меж ними – ох, как жаль!

4. СМЕРТЬ

Жаль старушку Соньку. Умирает...
Грешницей жила... Пришла пора.
Умирает и себя карает
так, как и Господь бы не карал.

А сосед у Соньки нрава строгого.
Всю-то жизнь плевал бродяжке вслед.
А теперь жалеет он убогую,
как Господь не мог бы пожалеть.

Гонит он от бабки бедолашной
сов, нетопырей – исчадий зла.
Держит за руку – чтобы нестрашно.
...Вспомнилось, как в детстве бесшабашном
гнали с ней коров – гроза была!

5. ОДИНОЧЕСТВО

Ганну жаль. Нет вдовьей доли злее.
Одинокой – ох, страшна зима.
«Зиму, – говорит, – не одолею.
Удавлюсь. Я не могу одна.

Кажется, уже схожу с ума я.
Страшно и от лампы отойти.
Под кроватью будто кто вздыхает,
сверху птица чёрная летит.

Как ни натоплю – а холод, холод...
Сколько ни варю – а голод, голод.
Мир пропал, в туман ушли подворья.
Нет ни поля, ни деревни нет.
Скажете, мол, есть же люди добрые...
Есть-то есть, да не идут ко мне.

Всяк, своей заботою томим,
кинет слово – и проходит мимо
к хате с голубым уютным дымом.
Над моим же домом нелюбимым
нелюдимый,
 чёрный,
 мёртвый дым».

6. ТЕНЁТА

Жаль мне и молоденькую Ульку.
Ведь дитя! А уж качает люльку.
Не стерпелась свекруха с невесткою,
с городскою, чужою, не местною.
И грызёт, и грызёт её косточки
целый день, да с утра спозараночку.
Щедро капают светлые слёзыньки
то в тарелку, то в детскую ванночку.
А свекровь на посиделках
 брызгает слюною:
“То-то Бог послал невестку,
“счастлице” такое.
Ни очей, ни плечей. Неловка, нескладна.
Всё, видать, не по ней, ничему не рада.

А семью когда-то не вмещала,
как рубашка тесная, трещала.
Сыновей лелеяла она.
Четырёх... А их взяла война.

Время лечит... Может быть, и так.
Время терпеливо, кто же спорит...
Только баба не смогла никак
времени отдать седого горя.

Время, как вода, и камень точит,
заметает скорби, словно снег.
А она все дни ждала лишь ночи,
чтоб сынов увидеть хоть во сне.

Чтобы хоть во сне услышать: “Мама...”
Наконец, слезами изошла.
И пошла она вслед за сынами,
и травой могилка поросла.

Ну а дед впал в детство. Тут и там
семенял он – то к Днепру, то к саду,
к пчёлам, снегу, и к дождю, и граду –
будто бы к жене и сыновьям.

То учил их, как что делать надо,
то просил у них совета сам.
Вслушивался в шелест листопада,
улыбался, приласкать был рад он
наишелудивейшего пса.

Каждый день к сельмагу топал старый,
покупал гостинцы неустанно,
ребятишкам встречным раздавал,
всех детей внучками называл.

Осенью светился мёд янтарный.
И светлела деда голова.

8. ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Что за день? Откуда же досталась
мне щемящая такая жалость,
что разлита светом голубым
по стогам и мёртвым бурьянам,
что течёт и стелется, как дым,
по притихшим к осени холмам?

День открытых жалости дверей,
видно, нынче. Как осиным жалом,
сквозняком с пустеющих полей
жалит сердце мировая жалость.

Это взял над всеми днями верх
и пришёл в предугреннем ознобе
чистый-чистый, как роса, четверг,
чтоб омыть нас в радости и скорби.

Как звезда, над сердцем он встаёт,
укоряет, мучит и тревожит.
Ни один на свете звездочёт
эту ношу снять с меня не сможет.

9. НА СОЛНЫШКЕ

А зима придёт – не заставит ждать.
Да и старость не за горой.
Люди с ближними делят радости.
Люди к людям идут с бедой.

Был бы повод – хоть важный, хоть мелкий,
или так – по хорошей погоде,
а уже, глядишь – посиделки
собирают досужий народец.

А над ними (аж небо в искринку)
метушится народец крылатый.
И, как ветер в дырявой кринке,
тёплый улей гудит за хатой.

Блох проворно на лоне природы
разношерстые ловят народы.
И тихонечко тучки качает
тот народ, что уже опадает.

А осеннее – так себе счастье –
всё в прорехах, всё в латках цветастых,
обходя людские дворы,
всем по клинышку делит – бери!

Этот – бабе, а тот – молодежи –
на скатёрку иль на рушник.
А не хватит – то, может, сгодится
хоть сынишке надставить штаны.

Вот и дедушке Гнату – нате! –
вроде жизнь постучалась в дом.
Попросились в дедову хату
молодые с малым дитём.

Надо ж деду теперь крутиться,
то агукать, то двор заметать.
Будто вновь довелось родиться.
А малец оседлал кота.

Кот со страху удрал за поленья.
А мучитель как заревёт!
Подхватил его дед на колени,
несуразное что-то несёт:

“Тупу-тупу-цыть-цыть!
В хате муха гудит,
и комарик поёт –
гнида замуж идёт.
А вошь радуется –
будет добрый зятёк...”

Где-то, слышно, зима идёт...
И, как клонится к печке плечо,
человек к человеку льнёт.
А к кому же ещё?...

10. РОЗОВОЕ ПОЛЕ

Бежит сынок мой в розовой рубашке
к закату солнца розовым привольем.
А я к орешнику в степном овражке
сошла с лукошком. Остывает поле.

И в запах жита древний, изначальный
вплетает тонкий аромат тимьян.
И, чтобы душу освежить печалью,
над полем лёгкий стелется туман.

Грустят о лете поздние ромашки.
Гусиный крик тревожен и высок.
Бежит сынок мой в розовой рубашке,
мой поздний,
мой осенний
светлячок.

Хоть так несоразмерны в мире нашем
дита и небо, мальчик и Земля –
бежит сынок мой в розовой рубашке,
ко мне руками небо наклоня.

И, открывая за дверями двери
в пространства дней неведомой красы,
мчит покоритель временных империй
стернёю, голубою от росы.

И даль, и ширь, и глубину просторов –
объемлю всё. Я вхожа, Я своя.
Мой маленький сынок, мой аистёнок
приблизил небо, чтоб смогла и я

идти за ним с корзинкою орехов,
с охапкой солнечных духмяных трав
туда, в страну любви, добра и смеха,
где смерть отныне не имеет прав.

Кивают солнцу сонные ромашки.
И прямо в небо, словно светлый стяг,
бежит сынок мой в розовой рубашке.
Не разберёшь, где солнце, где дитя.

11. ВЕЧЕР С СЕРЕБРЯНОЙ ГОЛУБКОЮ

Под вечер мы пошли за молоком.
Густели сумерки, и в темноте светлела
дорога пыльная. И стала белой-белой,
и радовала глаз – то лопухом
в серебряной росе, или ежом,
что проползал дорогу перед нами.
Светились вдоль дороги овсюги.
А в хате Ганны пахло пирогами.
И над столом – голубка из фольги.
Примак был, как начищенный медяк,
наряженный, отмытый и побритый.

Аж удивлялся сам себе примак,
что человек теперь такой он видный.
А Ганна любовалась примаком,
как песней, что сама же и сложила,
как образом, который сотворила,
как командир любитесь полком.
И чарка ей легка, она взлетает –
О высота! – над горем, над летами.
Голубка пьёт из чарки серебро.
Звенит голубка, и звенит хрусталь.
А очи Ганны светятся добром,
и в хату дверь – как райские врата.

– Ну вот, и я уже не сирота.
То слово скажет, то цветок подарит.
Какой ни есть, а всё не пустота,
и есть кому блинков нажарить.

И усмехнулся в чёрный ус Мамай
с картинки стародавней.

Поднял чарку
и крикнул: “Ну, Ганнуся, наливай,
да выпьем, чтоб чертям аж стало жарко!”

Примак сказал: “Поставим мы у входа
в наш двор скамейку, чтобы на заре
смотреть вдвоём на Днепр, на пароходы
и вместе потихонечку стареть”.

Ну что сказал он как бы и не в лад?
Простое слово – грош ему цена.
Но будто бы раздвинулась стена,
и стало видно всё – и двор, и сад,
и белый шлях через ржаное поле,
и всё смеётся, светится, поёт...
Взошёл над светлым миром месяц полный,
и серебро с него голубка пьёт.

Стояла ночь. С горы сойдя в долину,
на вдовый дом из темени степной
мы оглянулись. Как кораблик, плыл он
меж туч вслед за мерцающей звездой.

Светились окна юно, яснооко.
И белый шлях светился среди тьмы.
Пришёл покой. И в тишине глубокой
уже не страшно было нам зимы.

12. НОЧЬ ЛИВНЕЙ

Уснули муж и дочь, и сын.
А на столе моём коренья
и травы спали: девясил,
душица, мята, подмаренник...
Так пахло! И казалось мне,
что души трав вокруг ходили,
по всей квартире наследили.
И дождик крапал в тишине.
И разум мой уснуть был рад.
Но в этой тишине пугливой
вдруг ошалел наш старый сад
за окнами. И грянул ливень!
Я не узнала дом. А впрочем,
то был другой, не этот дом.
Метнулась птица за окном,
и тень её, чернее ночи,
в полёте быстром отсекла
полкомнаты своим крылом,
и из волшебного стекла
как будто стену возвела,
ту половину налила
она весёлым серебром.

А там, за хрусталём звенящим,
с тяжёлых книг смывая пыль,
струился ливень, аж слепящий.
и белый свет меня любил.
Допытывался о здоровье
и в изголовье травы клал.
Ведь мир любил меня любовью
людей, с которыми жила.
О, сколько музыки в безмолвье
дождя в мерцаньи полunoчном!
И я любила мир любовью
супруги, матери и дочки.
И знала я, что все дороги
ведут нас только к человеку.
Во всех утратах и тревогах
взывай хоть к морю, к небу, к Богу, –
сам Бог установил навеки,
всегда так было, есть и будет –
тебе помогут только люди.
И с ними – травы, ливни, птицы,
и столько смысла и красы –
аж сердцу больно, и не спится,
и в сладком сне смеётся сын.
Дождь лил... Белели овсюги.
В моей душе звенело счастье.
А с ним – голубка из фольги.
И с нею – в палисаде астры.
Дворцом серебряно-хрустальным
стояла в ливнях эта ночь.
В ночном лесу грибы не спали –
они, как водится, росли.
Дожди не спали – они шли.
И мне уснуть было невмочь.

13. ПРОЩАНИЕ, ПРОЩАНИЕ, ПРОЩАНИЕ...

Прощание,
прощание,
прощание
в заботах и радостях дня.
Прощай, моё лето гречаное,
и ты доцвело, дозвучало,
дозрело и ты до зерна.

Цветы твои, пчёлы и дети
остались, остались на дне.
Чуть-чуть – и заснёт моё лето
в своём сокровенном зерне.

Прощание, прощание, прощание,
к прощанию зовут небеса.
Синеют озёра печально,
и каждое – Божья слеза.

И листьям осеннего сада,
и всем нам – дорога одна.
Прощай, моя светлая радость,
допела и ты, домечталась,
дозрела ты – аж до зерна.

Твой дом, твои праздники, войны
остались, остались на дне.
Чуть-чуть – и заснёшь ты спокойно
в своём сокровенном зерне.

Прощаюсь, прощаю, прощенья
прошу у земли и людей.
Душа наполняется звенью
и светлой девчушкой весенней
танцует на тёмной воде.

Мы встретимся, горы и реки!
Не плачьте, не плачьте по мне.
Я лишь на минуточку веки
сомкну в своём тёплом зерне.

Зайду на минутку в осоку,
и в жито, и меж лебедей...
Всё будет – и небо высокое,
и горе, и счастье нелёгкое,
и танец души синеокой
на тёмной озёрной воде.

Примечание переводчика:

В оригинале после стихотворения ДЕНЬ АЙСТР следует стихотворение «ЩОСЬ СТРАШНЕ...». Я счёл его перевод невозможным ввиду того, что здесь сама фактура живой украинской речи едва ли менее важна, чем сюжет, композиция и поэтика стиха. Поэтому беру на себя грех и без спроса у автора привожу его в оригинале.

ЩОСЬ СТРАШНЕ...

– Якщо хлопчик – вередун,
не приходять Кіт-Баюн.
Але спускається с горища
Котище Вирячи Очища.

Відхилить він віконну раму
і шасьт...

Не віриш? Сам простеж...

– А я тоді гукну: «Мамо!» –
і ти його проженешь.

...Оченятами іскриться
і нічого не боїться.

Та коли глухой паркан
нам трапляється, то чимось
він лякає хлопчика,
аж дитя росте очима...

«Що там? Що?» – пита мене.
Страх мале сердечко тисне.
А паркан зловісно висне.
«Що там? Що? Таке страшне...»

«Щось страшне» ходило двором
то в комору, то з комори,
тупцювало, статкувало,
гроши в глечиках ховало.
Та все нишком, та бочком,
та до вищих – лисачком,
п'ятиличне, двоязичне,
ще й линяло на день тричи.

У війну старостувало,
і, відбувши десять літ,
знов воно гараздувало,
гендлювало, шапкувало,
лютовало на весь світ.

Павутиннячко снувало
тишком-нишком, лисачком,
пантрувало – жерло, рвало
і ковтало з тельбушком.

«Щось страшне» було страшне
тим, що не було одне...

ХУДОЖНИК

С базарной площади, с картинки кустаря
путь начинала робкая заря.
Сперва в оконце, словно лепесток,
малиновела в левом уголке.
Потом с небес, как шёлковый платок,
омыв края в малиновой реке,
свисала. Даже лебеди горели.
И выплеснулась вдруг! И заалели
бульвары.

Гордый был кустарь, не зазывал.
Но я купила у него товар.
Благодарил художник: «Будь счастливой!»
Уж площадь переполнена зарёй.
А он пошёл к ближайшей бочке с пивом,
чтоб скинуть бремя трезвости долой.
Покуда с плеч он сбрасывал замшелый
тягучих дней невыносимый гнёт –
заря всю над Киевом горела,
аж кружкам стало жарко от неё.
Блаженный, ослеплённый, златоглавый,
бродил он до ночи. На поезд опоздал.
И на скамейке жёсткой и шершавой
накрылся пиджачком – да так и спал.
Когда б он знал... Когда б он только знал!
Да где там! Пьяненький, убогий человек...
Ни чёрту кочерга, ни Богу свечка.
Жил сорок лет, а может, пятьдесят.
Не мог ни хлеборобить, ни тесать.
Соседка помогала. Борщ варила.
Когда на краски тратился – журила.
Быть может, жив ещё, хоть духом слаб и телом.
А помер – так житейское то дело.
Но каждый день с картинки кустаря
несмело начинается заря.

О, как она неопалимо льётся!
Когда б он знал... Не знал. Уж так ведётся –
хоть светлая творцу открыта даль,
хоть правит им порой святое чувство –
но путь художника и путь искусства
нечасто сходятся. А жаль.

ПРОДАВЕЦ СЧАСТЬЯ

С дождями как будто искусные маги
дверь открывают в царство бумаги.
Вот зóрю машины, хрипя, прокричали.
Дверь открывается в царство печали.

Цветник на балконе от холода лысый.
И струи дождя над цветками повисли.
Разинули ротки дамы цветастые
напротив рекламы «Купите счастья!»

На бледных лицах пунцовым криком
горят безнадёжностью рты-гвоздики.
«Что лучше? То счастье и плащик негожий
или пальто золотой кожи?».

Какое там счастье в замёрзшем теле?
Расходятся дамы – печальные тени.
И в смокинге плачет от этой напасти
директор пустующей лавки счастья.

Коллега! И я, как и вы, банкрот.
Закройте-ка лавку, а я – блокнот.
Лукавству света дивиться не внове!
Так выпьем кофе...

И стихи, и счастье – всё суета,
кроме чашечки кофе славного.
«Браво, пиит! Давно бы так –
браво!»

МОЛЧАЛЬНИЦА БАЛКОНА

Рассвет. Закат. Опять рассвет.
И снова вечер скоро.
Наденет старенький берет
мой шансонье знакомый.

Он любит дождь и «Каберне»
и серенады дарит мне.
Я ж тоненькая, как кларнет –
Молчальница Балкона.

Рыдала мама. Старший брат
кричал: «Ну что грустна ты?
Ну почему б тебе не стать
как мама, адвокатом?»

Я сквозь ресниц зелёный снег
смотрю на них смиренно.
«Вот стать бы звёздочкою мне.
иль хоть бы манекеном!»

И тихо так во мне звучит
под звоны городские
нехитрой песенки мотив
про дождики цветные:

НЕХИТРАЯ ПЕСЕНКА

Дождик синий. А бывает
дождик жёлтый, светлосерый.
Ничего я не желаю.
Никому я не поверю.

И придёт кто – да не тот.
Что и скажет – да не то.
И не то летит авто.
Даже дождь не тот идёт.

И сама – не там, не та я.
И не те мои слова.
И не знаю, и гадаю:
я жива иль не жива?

Дождик синий – бим-бам-бом! –
тротуар и крышу моет.
Сплю я лёгким, светлым сном.
Просыпаться, иль не стоит?

Дождик серый – кап-кап-кап! –
перестать никак не хочет.
Моя мама – адвокат.
Я же лишь фиалка-дочка.

Из цикла «DIES IRAE»
(«День гнева»)

ЖЕНЩИНА В ВЕЧЕРНЕМ СВЕТЕ...

Помыла посуду. Вымела хатку.
Тёрн цветет, и барвинок цветет.
Усталость качает, как лодка, зато
всё у тебя в этот вечер в порядке.
В доме твоём все блестит и цветет.
Хлопчик растет, расцветает дивчина.
Будет закладкою ночь соловьиная
в Книге Трудов. А усталость – пройдет.
Ласковый вечер, светлый и чистый.
Сеется дождик, цветут барбарисы...

Сеется дождик на плод и на цвет.
Только не будет ни цвета, ни плода.
Доброй нам ночи! На тысячу лет.
Солнце заходит.
Навечно заходит.
Вера убита в иссохшемся сердце.
Все было тщетным – Иисус, Прометей.
И, облучённые солнцем и смертью,
смотрим сквозь слёзы на лица детей.

Льётся на стол, где клеёночки синь,
тихий закатного солнышка свет.
Остановись же, мгновенье!

Застынь!

Кроме тебя, ничего у нас нет.
Ласковый вечер, светлый и чистый.
Сеется дождик, цветут барбарисы...

Утром не вынет из книги закладку
Божья десница. И, так же, как мы,
Бог, загасивши солнца лампадку,
пойдет безнадежной дорогой тьмы...

... Стих на рассвете, вино многолетнее,
мудрости доброй бессмертный чертог, –
всё было чистым и добрым на свете.
Всё было тщетным.
И тщетным был Бог.

Ласковый вечер, светлый и чистый.
Сеется дождик, цветут барбарисы...

ПЕРО

Поле заморочено дождями.
Этой ночью жёлтый сад умрёт.
Не купить давно в сельмаге чаю.
А от трав уже тоска берёт.
Слякоть на промозглых огородах.
И душа замёрзшая мала.
И ни ходу нет уже, ни броду
на раскисших улицах села.
Огонёк моей свечи слабеет,
и скрипит усталое перо.
Жить и не писать я не умею,
хмелем слов пронизано нутро.
Только как писать, когда на Бога
мы уже не в силах уповать?
Разве не кощунство – рифмовать!
Это ж – как на гробе танцевать.
Впрочем, люди даже это могут.

Всё былое минуло. Тавро
здесь на всём. Печать конца и тлена.
Серо всё. Калина лишь алеет.
Выцвели вино, чернила, кровь.
Чем же будем мы писать, перо?
Что ж! Тебя я, жгучее, сухое,
в сердце обмакну, ещё живое.
Тем спасусь.
Откликнется душа.
И прольётся скорбными строками
всё, что запеклось в горячий камень –
ужас, гнев, и жалость, и страданье,
и беды неумолимый шаг.
Их читать не надо. Смерти доза
в них смертельна. Холодом скуют.
И отнимут веру, и сожгут.
Пусть же канут в Лету.
И, как слёзы,
между пальцев Бога протекут.

В ХАТЕ

Теперь – за обычное. Печь затопить.
Смахнуть паутину в куточках укромных.
А после картошки на ужин сварить.
Жива иль мертва – а хозяйка я в доме.
Тоска так черна, что не хочется жить.
Но из тоски – я же все-таки мать, –
выйду к сыночку, чтоб покормить.
И сказку про счастье ему рассказать.
Вдруг стало дышаться легко и блаженно –
то сын протянул хризантемы в окно.

Но каркает ворон... Иль колкость
рентгенов.

«Мой руки, мой руки, сынок...»

«Смотри, мама, котик. Голодный, наверно.

Ах, ты, бедненький замазюка...»

«Тик-так...» – то ль часы, то ли колкость
рентгенов.

Мой руки! Мой руки! Мой руки!

«Мама, а можно мне на песок?

Там хлопцы сегодня хоронят реактор.

Не бойся! То просто железа кусок.

А дед Степан наловили раков.

И меня угощали. Вкусно!

Что же у нас консервы одни?

Мама, не плачь! Отчего тебе грустно?

Я тебя рассердил?»

«Я не плачу. То печка вражья...»

«Видать, накопилась в трубе нашей сажа.

А когда ж по грибы? Их полно, я слышал.

Уж скоро дожди., ведь октябрь наступает».

«Где ж ты пуговку потерял?»

«А разве я знаю?»

Лопатку украдкой схватил... У песка

играет... Привстал... Отряхает колена...

А в сердце стучится колкость рентгенов.

От каждой песчинки.

От каждого стебелька...

ОСЕНЬ. НОЧНАЯ МУЗЫКА

Ночь ненастная – реквием Верди.
Одиночество, глушь, пустота...
Пролетели мои лета,
И душа говорит со смертью.
И не спится мне, если ветер
 стонет,
Если дождь бесконечный льёт.
Что ж, у Господа Бога своё бессонье,
У меня бессонье своё.
То не дождь шумит, и не ветер
 стонет,
То под скорбный ропот осин
Говорит бессонье с бессоньем,
Мировое бессонье – с моим.
И с любовью и болью тот голос воззвал:
«О мой отзвук! Моё отраженье!
Кто ж тебя, как подкидыша, в шаль замотал
И упрятал в глухие каменья?
Прерывается взор
 и теряется след,
И слабеет беспомощно голос.
Одиноких и голых
Я вас выпустил в свет
И приму одиноких и голых».
Что скажу я в ответ?
«Пуст и холоден свет
В эту осень
 на склоне мерцающих лет,
Когда каждая жилка
 ночами дрожит.

Разве знаешь ты, Боже,
 про страх и смятенье,
Разве знаешь ты, Боже, как страшно
 жить
Бесприютную тенью?
Что ты знаешь про то, как немеет кровь,
Как стареет и плачет плоть?»
И услышу я вздох бесконечных миров:
«Всё я знаю. На то я – Господь.
Дал я долгую ночь – дам и солнца восход,
Дал земную я смерть – подарю и бессмертье.
На озябшую землю скоро снег упадёт,
Стихнет реквием Верди.
Не томитесь печалью
 и меня не печальте,
А подкиньте поленца в печь.
Зазвенит золотым клавесином
 Вивальди
Этой ночи волшебная речь.
Спите, дети мои, будет алым рассвет,
Спите крепко, труды исполнив.
Я весёлых и вольных вас выпустил в свет,
И приму лишь весёлых и вольных ».

ЛЮБОВЬ

Была я пташкою – и ты меня поймал.
И небо взял в приданое за мною...
Фиалкой стала я – и ты меня сорвал.
Поньше пахнет дом у нас весною.
Я стала яблоней. Но памятью в летах
лишь вкус медовый на твоих устах.
А я теперь в серебряном венке.
Я стала свечкою в твоей руке.

Ещё светло? Но меркнет ясность дня.
Для чёрных дней побереги меня.
Лишь пригаси –
и, взята тишиною,
уже не буду я тебе женою...
Я буду тенью, голосом, луной.
И будешь, как слепой, сквозь тьму мирскую
ты горестно брести на голос мой
и звать меня...
Кого же звать? Какую?
Ту пташку, что и поймана – летала?
Фиалку, что и сорвана – цвела?
Ту яблоню, что детям жизнь давала?
Ту свечку, что погасла – и была?
Кого же будешь звать, мой друг,
тревожно?
Кем я была? И кем я буду, Боже?
Господь мне улыбнётся: – Не жалей.
И не тревожься. Будет всё, как надо.
И будет небо снова птахе радо.
Вновь расцветёт фиалка на земле.
И будет яблоня, есть место для неё.
Свеча осветит Царствие Моё...
– А что же с ним останется, Господь,
в тех чёрных днях,
холодных и порожних?
– Твоя любовь, дитя,
твоя любовь...
И милость Божья.

*Из стихотворений, не вошедших в сборник
«ЕВАНГЕЛІЄ ВІД ЛАСТІВКИ»*

* * *

Тот синий день от снега изнемог,
пришла печаль, пленительно красива.
И косу снежную, и льдинки ног
закат в вишнёвую закутал гриву.
Печаль ходила, жалобно рыдала,
ломала руки, словно куст калины,
а вечер фиолетово спадал
фиалками на снег тот тёмносиний.
И вздрогнул лес. И снежные иголки
из-под копыт коня блеснули к ночи.
Цветов упали синие осколки
в лучистые и трепетные очи.
Как мачты кораблей, стволы стонали.
Промчал волшебный всадник ясноокий!
И ярко вспыхнул он в пурпурной дали,
и растворился в синеве глубокой.

Воспой, печаль! И сердцу дай покой,
дай мне уснуть с улыбкою счастливой.
...Манил тот день фиалковой мечтой.
Была печаль пленительно красива.

ПОДКОВА

Была зима. Пошёл зелёный снег.
А следом – розовый. А после – васильковый.
И протрусил рысцою на коне
Дедок Мороз. И потерял подкову.

Так схожа с месяцем, так золотом блестя,
она лежала серпиком печальным,
что даже самолеты в небесах
задумались
и крыльями качали.

А я нашла. Сказала ей: – Свети
здесь, на окне. Пусть сбудутся желанья!
Но тут сошлись вокруг, разинув рты,
семьсот раззяв. И замерли в молчанье.

Вокруг светился то зелёный снег,
то розовый, то густо-васильковый.
Они стояли пять, и десять дней, –
очаровала их моя подкова.

Что ж, в чемодан подкову положу,
куплю я шубу. И тогда поеду
в Лапландию. Немного потужу,
но так и быть, отдам подкову Деду.

Ну, вот и всё. С белёсой высоты
обычный снег пошёл легко и ровно.
А все семьсот раззяв закрыли рты
и разбрелись тихонько по сугробам.

АВТОПОРТРЕТ

Миг этот – мой. Короткий и безбрежный,
он не доступен никому на свете.
Пурпурный шар над садом белоснежным,
пылая, льётся сквозь густые ветви.

Другому месту не бывать нигде,
не повторить минуты несказанной.
Пусть повенчает нас венец багряный!
Пусть полон смеха будет этот день!

День нежности, день радости в борьбе,
день для труда, восторга, светлой злости.
День для экстаза творчества, для роста.
День холода и день огня в себе.

Люблю весеннее дыханье юга.
Как светел тишины безгрешный миг,
когда я христианка и супруга,
когда в душе моей блаженный мир.

И, как роса, светла я и легка.
И тишина струится над землёю.
И дышит мир спокойной красотой,
и солнцу в небе вторят облака.

Лицо моё – как сад. Меня несмело
целует ветерок, почти не слышен.
И облетает цвет с послушных вишен.
Автопортрет готов. Ирина в белом.

Но любо, когда заревом во мне
пылает ярость, к бою призывая.
Тогда я – еретичка на огне.
Я – ведьма. Примиренья не желаю.

И гнев мой крут! И мне неведом страх.
Перед очами полыхает знамя.
Да славятся вовек борьба и пламя,
и поцелуй костра на сомкнутых губах.

В багровом дыме, высока и властна,
стою, дитя и меч держа в руках.
Дымятся косы, тлея на плечах.
Автопортрет готов. Ирина в красном.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие переводчика	5
"Когда остатки солнышка на платье..."	9
"Запахло дождём..."	10
"Туманным утром в доме, полном счастья..."	11
"Есть души, как летние звёзды..."	11
"Я шла из парка..."	12
"Я приду сегодня в ясный полдень..."	13
СОВА	14
СОСНА	16
ГЕРАНЬ	17
"Сегодня Спас..."	17
"Стихает боль..."	18
И СВЕТЛОЙ АЛЛЕЕЙ...	19
"В ночи сошли снега..."	19
ОКНО, РАСКРЫТОЕ В САД	20
В ОТЗВУКЕ ЧУДА	21
ОСЕНЬ. КОПАЛИ КАРТОШКУ	21
ОКОНЧЕНЫ ХЛОПОТЫ ЛЕТА...	22
"Озёра стынут по ночам..."	23
"До нежной жалости, до боли..."	24
КРАСНЫЕ ЧЕРЕПИЦЫ	24
ГОРОДОК. ДОЖДЬ	25
СТАНЦИЯ	26
ОСЕННИЙ КАМЕРНЫЙ ОРКЕСТР	27
"Снег. Мороз..."	29
"Всё я знаю..."	30
СВЕТ ОСЕНИ (<i>Цикл</i>)	31
1. "Я праздновала вечер года..."	31
2. "Склонившись, астры лето отпевали..."	32
3. "Я вчера побелила..."	33
4. "Огонь. И сумерки..."	34
5. "Я живу вот в этой дикой хатке..."	34
6. "Живу в очарованьи вечных тем..."	35

ИЗ МУЗЫКАЛЬНОЙ ТЕТРАДИ (цикл)	37
ЙОЗЕФ ГАЙДН. «ПРОЩАЛЬНАЯ СИМФОНИЯ»	37
АРНОЛЬД ШЁНБЕРГ «ЛУННЫЙ ПЬЕРО»	38
ЧУДЕСНЫЙ РОГ ГУСТАВА МАЛЕРА	40
ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ	40
ПЕСНЯ ЧАСОВОГО	41
ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ	42
ПАМЯТЬ (2-я часть II симфонии)	44
О КРАСОТЕ	45
ПЬЯНЫЙ ВЕСНОЮ	47
ПЕСНЯ СТРАНСТВУЮЩЕГО ПОДМАСТЕРЬЯ	48
ЗЕЛЁНЫЙ СОН	50
Вступление к «ПОЭМЕ ПЕСЕН»	51
СТИХ В АЛЬБОМ	54
СУМЕРКИ	55
НА СКЛОНЕ ДНЯ	57
СЕРДЦЕ	58
ПЧЁЛЫ	59
ПЁС	60
МЕСЯЦ НА ЗОЛОТОЙ НИТКЕ (городская сказочка)	62
1. Ночной пролог	62
2. Воспоминания при луне	63
3. Из газет	65
4. Технократиана	66
5. Сотворение мира	67
6. Модерниана	69
7. Про Зелёного Змея	70
8. Приглашение к взлёту	71
9. Последние вести	73
10. Была весна	74
11. Лунный финал	75
ЛЕТО С ОСЕННИМ ВЗОРом (цикл)	79
1. МОТЫЛЁК НА РУКЕ	79
2. ДЕНЬ АСТР	80
3. ОСЕНЬЮ ВСЕГО МНЕ ЖАЛЬ	81
4. СМЕРТЬ	82
5. ОДИНОЧЕСТВО	82
6. ТЕНЁТА	83
7. УТРАТЫ	84
8. ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ	86

9. НА СОЛНЫШКЕ	86
10. РОЗОВОЕ ПОЛЕ	88
11 МЕСЯЦ С СЕРЕБРЯНОЙ ГОЛУБКОЙ.....	89
12. НОЧЬ ЛИВНЕЙ	91
13. ПРОЩАНЬЕ, ПРОЩАНЬЕ, ПРОЩАНЬЕ... ..	93
ХУДОЖНИК	96
ПРОДАВЕЦ СЧАСТЬЯ	97
МОЛЧАЛЬНИЦА БАЛКОНА	98
НЕХИТРАЯ ПЕСЕНКА	99
Из цикла "DIES IRAE" (День гнева)	100
ЖЕНЩИНА В ВЕЧЕРНЕМ СВЕТЕ... ..	100
ПЕРО	101
В ХАТЕ	102
ОСЕНЬ. НОЧНАЯ МУЗЫКА	104
ЛЮБОВЬ	105

**Из стихотворений, не вошедших в сборник
«ЕВАНГЕЛІЄ ВІД ЛАСТІВКИ»**

"Тот синий день от снега изнемог..."	107
ПОДКОВА	108
АВТОПОРТРЕТ	109